МАГИЯ ФЭНТЕЗИ
Евгений КОНСТАНТИНОВ,
Алексей ШТЕРН
ФАКУЛЬТЕТ
РЫБОЛОВНОЙ МАГИИ
Издательство Альфа-книга

Евгений Михайлович Константинов
Алексей Штерн

Факультет рыболовной магии

Серия «Факультет рыболовной магии», книга 1

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=152771
Константинов Е., Штерн А. Факультет рыболовной магии: Альфа-книга; Москва; 2006
ISBN 5-93556-704-0

Аннотация

Что страшнее – провалиться на экзаменах по магической рыбалке или струсить перед лицом опасности, грозящей уничтожением всего мира? Способен ли благородный эльф оказаться предателем, а омерзительный гоблин – другом? Не спасует ли в самый ответственный момент умудренный опытом декан факультета рыболовной магии? На чьей стороне окажутся ведьмы и вампиры, могучие тролли и щуплые с виду лекпины, коварные русалки и загадочный серебристый рыбодракон?

И самое главное, – сбудется ли древнее Пророчество о спасении цивилизации двенадцатью избранными?»

Содержание

Глава первая 4
Глава вторая 12
Глава третья 20
Глава четвертая 30
Глава пятая 39
Глава шестая 51
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Евгений Константинов, Алексей Штерн
Факультет рыболовной магии

Глава первая
Исключение из правил

«Внимание! В субботу, 15 июля на озере Зуро в районе пристани Факультета состоятся дополнительные отборочные соревнования по ловле рыбы на мормышку со льда. Соискатели, занявшие первые три места, будут приняты кандидатами в студенты первого курса Факультета Рыболовной магии и допущены к экзаменам. Приглашаются ВСЕ желающие, достигшие возраста в восемнадцать зим…»

«Приглашаются ВСЕ желающие! – радостно повторил про себя лекпин Алеф по прозвищу Железяка. Он пригладил ладошкой непослушный ежик на голове и стремительно рванул прочь от толпы, оставшейся изучать факультетское объявление. – Наконец-то! Дождался!».

Вторую неделю ходил Железяка в центр города на ярмарочную площадь с надеждой увидеть это объявление. И вот сегодня, наконец, оно появилось. Радость переполняла лекпина, он почти бежал домой, чтобы в сто первый раз проверить удочки, ледобур и остальные рыболовные причиндалы.

Доставшийся в наследство от родного деды Паааши ледобур был его гордостью. Легкий, отлично буривший лед, как сухой, так и мокрый, инкрустированный золотыми узорами на рыболовные мотивы; алмазные, никогда не затупляющиеся ножи; рукоятка украшенная семью полудрагоценными камнями. Ледобур деды Паааши стоил целое состояние.

Маленькие удочки были, естественно, самодельными. Долгими зимними вечерами Железяка вытачивал их из кусков палисандрового дерева, выменянных у факультетского лодочника Воги-Йоги. Он называл эти удочки не иначе, как «мои луковки». Кивки для удочек лекпин сделал из лоскутков кожи дикого вепря (опять же, выменянных у Воги-Йоги). Кожа вепря, обработанная особым образом, тщательно истонченная, да сдобренная парочкой несложных заклинаний, наложенных знакомым магом, обладала уникальными особенностями, в меру пружинила и не ломалась на морозе; кивки же, изготовленные из нее, делали игру мормышек просто потрясающей.

А вот мормышки лекпин делать не умел. Приходилось экономить на всем, копить монетки, чтобы покупать аккуратные маленькие «овсяночки» и «капельки» с настоящими стальными крючками у жадных гномов из-под Горы. Гномья работа ценилась очень дорого, и у него было всего пять таких мормышек.

Душа Железяки пела в предвкушении соревнований. Со дня его восемнадцатилетия прошел лишь месяц, и все это время он особенно жаждал соревноваться. Он мечтал поступить на Факультет, бредил этим уже несколько лет. Старался присутствовать на всех факультетских соревнованиях, подглядывал за простыми магическими приемами, а особо несложные даже пытался запоминать.

Среди огромного разнообразия способов и видов рыбалки его больше всего прельщала зимняя ловля на мормышку. Небольшой рост лекпина, его маленькие шустрые пальцы, непревзойденная вертлявость – все должно было способствовать успеху в этом виде ловли. В отличии, например, от верзил троллей, которым больше подходил спиннинг, и которым уж очень трудно было, согнувшись, сидеть над лункой и грубыми руками насаживать на крючок мотыля, вся конституция лекпинов словно предназначалась для мормышечной ловли.

Ростом они были чуть ниже гномов. Внешне от тех же гномов и людей отличались лишь полным отсутствием даже у взрослых лекпинов бороды и усов, компенсировавшихся обилием растительности от колен до щиколоток и меховым пояском на уровне пупка. Среди лекпинов было модно заплетать длинные волосы на ногах во множество косичек. Причем, девушки вплетали в косички бисер, а замужние женщины – речной жемчуг…

Железяка домчался до своего домика-норки, отомкнул замок, закрывавший круглую дверь, и юркнул в теплую прихожую. Бросил на вешалку домотканую курточку, зашел в комнату и сразу полез под кровать, достал из-под нее свой рыболовный ящичек-сундучок и вновь принялся перебирать снасти. Легкая морщинка пересекла лоб лекпина, мысленно он уже соревновался, бурил лунки, ловил рыбу…

* * *

Состав соискателей был очень разнообразен – присутствовали почти все представители народов Среднешиманья: люди и гоблины, лекпины и гномы, эльфы и даже один неуклюжий гигант-тролль с массивным ломом, расплющенным с обоих концов, который, по-видимому, заменял ему пешню. Непонятно зачем, за спиной тролля болтались на веревочках три шарика, по форме походивших на плавательные пузыри рыбодракона.

«Уж этому долговязому тут точно делать нечего», – подумал Железяка, приближаясь к краю зоны и, расчехляя свой бесценный ледобур.

На дворе была середина лета, но соревноваться предстояло на большой прямоугольной льдине, искусственно сотворенной магами-преподавателями, после того, как декан Факультета Эразм Кшиштовицкий договорился с хозяином озера Зуро, водяным Сероводмом. Тот дал добро на временное образование льдины, обещал позаботиться, чтобы оказавшиеся под ней рыбы не обратили внимания на резкую смену подводной обстановки и чтобы под нее не заплывали коварницы-русалки. По всему ее периметру было оставлено место для зрителей, а в центре была непосредственно зона соревнований, огороженная толстой леской с развешанными на ней красными… вареными раками. Железяка знал, что эти раки магические, и висят они не просто так – любой посмевший хотя бы на сантиметр нарушить границу зоны, моментально ощутил бы силу сомкнувшихся клешней на своем собственном заду.

Алеф заметил среди зрителей несколько знакомых, толпившихся в некотором отдалении от рачьей линии с внешней стороны зоны. Среди них был и его друг детства лекпин Тубуз Моран, славившийся своим шалопайством. Однако это не помешало ему еще полтора месяца назад успешно выступить на отборочных соревнованиях по спиннингу и стать кандидатом в студенты первого курса Факультета рыболовной магии.

Тубуз подбадривающе помахал Железяке и приложился к кружечке, в которой, наверняка, было факультетское пивко.

По команде декана соискатели разбрелись по краю зоны и замерли в ожидании. Краем глаза Алеф видел справа от себя угрюмого гнома, держащего двумя руками огромный топор, переливающийся золотыми блестками. Присмотревшись, лекпин прочел на лезвии выгравированное «ЧЕТВЕЕРГ – 202». Он вспомнил: так именовался богатейший в Среднешиманье клан гномов. Всех без исключения мужских представителей клана звали Четвеергами (дело в том, что все они появлялись на свет исключительно в четверг), а номера им присваивали по порядку. Топорище у Четвеерга, наверняка, было из чистого золота.

Повернув голову налево, Железяка наткнулся на самое томное и лукавейшее выражение слегка косивших, как у любой ведьмы, глаз, которое видел в жизни. Ко всему прочему, один из этих глаз очень выразительно ему подмигнул, отчего лоб лекпина покрылся испариной. ТАКОЙ девушки-человека он в жизни своей не встречал. Она… Она! ОНА!!!

Огромным усилием воли Алеф заставил себя отвернуться и посмотреть на Эразма Кшиштовицкого. «Ну, что же он медлит-то?»

С непокрытой головой, черноволосый, черноглазый, стройный, улыбчивый декан невозмутимо смотрел на свои наручные часы…

Команда «Старт!» была выкрикнута так резко, громко и даже зло, что соискатели непроизвольно замешкались. Первым, как это ни странно, из оцепенения вышел долговязый тролль, гигантскими скачками кинувшийся в дальний береговой угол зоны. «Во дает!» – подумал Железяка, прежде чем со всех ног броситься в ближний к берегу угол.

«Успел, успел, успел… – тараторил он про себя, вгрызаясь ледобуром в ледяной панцирь летнего озера. – До берега четыре метра, восемьдесят сантиметров, до края зоны ровно столько же. Все по науке, все правильно! Недаром последние два года тренировался».

Он сверлил и посматривал на соперников. Те разбрелись по всей зоне. Кое-кто вознамерился искать рыбу поближе к берегу, причем один гном, отказавшийся от традиционного гномьего топора и, предпочтя ледобур, уже затупил его ножи о вершину лежащего на дне большого валуна. Несколько людей и эльфов бурили лунки на дальнем от берега крае льдины. Ближе всех к лекпину просверлила лунку та самая томноглазая, но на нее Железяка решил вообще не смотреть.

Между состязающимися засновали судьи, в задачу которых входило следить, чтобы участники не пользовались заклинаниями, да и просто не жульничали. Судьи уже успели разнять двух гномов, не поделивших лунку и затеявших нешуточную драку на топорах. Обоим нарушителям правил было вынесено строгое предупреждение.

Алеф просверлил ровно семь лунок – его любимое число, которое он считал счастливым. После чего по очереди прикормил каждую лунку из серебряной кормушки с утяжеленным дубль-серебром дном (которая досталась в наследство все от того же деды Паааши). А вот флажки, предназначенные для обозначения занятых лунок, были изготовлены лекпином самолично. Одним из двух флажков он обозначил первую просверленную лунку – согласно Правилам факультетских соревнований, никто из конкурентов не имел права приближаться к лунке с флажком ближе пяти метров. Второй флажок воткнул в снег рядом с самой дальней от берегового края лункой, таким образом, отвоевав у соперников еще несколько метров ледяного пространства. После чего быстро вернулся к первой лунке.

«Теперь успокоиться и первая рыбка – моя!» – с этой мыслью лекпин стал опускать крохотную мормышку с единственным рубиновым мотылем на крючке в круглое окошко черной воды. Тончайшая леска дециметр за дециметром ускользала в воду. Поклевка могла произойти в любое мгновение.

Как только мормышка достигла дна, рыболов начал медленно поднимать правую руку с «луковкой», при этом часто-часто вибрируя кончиком удочки между указательным и безымянным пальцами левой руки. В самом начале проводки сторожок лихорадочно вздрогнул, но подсечка оказалась неудачной.

«Надо же, первую поклевочку профукал! – расстроился Железяка. – Даже веса рыбы не почувствовал!»

И снова у самого дна произошла поклевка, и снова мимо, и так – три раза подряд. Лекпин начал нервничать. Переживания усилились еще больше, когда метрах в десяти от него засверлился какой-то человек – настолько худосочный, что его, скорее, можно было принять за тень, и после первой же проводки вытащил из-подо льда окунька. Он снял рыбу с крючка, но, прежде чем убрать в ящик, ненадолго впился зубами в окуневую голову.

«Вампира в соседи мне только еще не хватало!» – передернуло Алефа.

Рядом с лекпином появился судья-доброволец Воль-Дель-Мар.

– Ну, что ты, дорогой, не дергайся, – сказал судья, улыбаясь в пышные черные усы. – Подсечь не можешь? Так удочку поменяй, может у тебя крючочек тупой.

«Сам ты тупой», – сказал про себя Железяка.

Однако удочку поменял, выбрав снасть с маленькой черной мормышкой-шариком. Стал опускать ее в лунку, и еще до того, как мормышка достигла дна, сторожок выпрямился, даже приподнялся. Подсечка. Рука ощутила приятную тяжесть, в душе возникло непередаваемое чувство предвкушения успеха.

«Аккуратненько, пальчиками, пальчиками работаем, слабину, слабину не дать», – думал Альф, опуская руку в лунку. Там он ухватил за жабры здоровенную плотву, снял с крючка и постарался, как можно незаметнее, отправить ее в поясную сумочку.

«Одна есть – это уже хорошо, уже не ноль. Интересно, как у других?»

– Клюет, клюет у других, – голос незаметно подошедшего декана заставил Железяку вздрогнуть.

– Господин декан, для меня очень большая честь разговаривать с вами!

– Лови, лови, отрок, не отвлекайся, – декан двинулся дальше смотреть, как обстоят дела у других соревнующихся.

Алеф продолжил ловлю, но поклевок на первой лунке больше не увидел. То ли плотва была там действительно одна, то ли остальную рыбу он распугал. Одну за другой лекпин сменил пять лунок, от бесклевья даже руки начали замерзать. «Словно в колодце ловлю», – думал он, бросая взгляды по сторонам. Вампир куда-то убежал, – наверное, тоже не клевало. А вот та самая, с томным взглядом, так и осталась у своей первой лунки. Она почему-то сидела лицом против ветра, правда, спиной к остальным участникам. Железяку удивила техника ее игры – не постепенное поднятие руки с удочкой вверх, а словно поглаживание воды. Он обратил на это внимание и вдруг увидел, как девушка поднесла к лунке другую руку, и вдруг в ней очутилась рыба. «Не понял, – удивился Алеф. – Она же совсем не вываживала…»

– Да ведь ты колдуешь! – крикнул лекпин. – А это не по правилам!!!

– Тише, чего разорался, – зашипела ведьмочка, но было уже поздно. Первым рядом с нарушительницей оказался Эразм Кшиштовицкий, за ним – Воль-Дель-Мар и еще кто-то из судей. Приговор не замедлил быть произнесен во всеуслышание: «ДИСКВА!»

Обуреваемый непонятными чувствами, Железяка провожал взглядом покидавшую зону ловли нарушительницу. Прежде чем ступить на мостик, она тоже на него посмотрела, но теперь в глазах ведьмочки было совершенно иное выражение, от которого лекпина даже передернуло.

Но чувства в сторону. Из трех часов, отведенных на соревнования, прошел уже час. «Может, на глубину рвануть? – подумал Алеф, глядя на группу рыболовов, сидящих в дальнем углу зоны. – Быстренько проверю оставшиеся две лунки, и рвану».

– Ой-е-е-е!!! – пронзительный крик, в котором угадывалась знакомая интонация, заставил лекпина обернуться.

Тубуз Моран, подпрыгивая, но не выпуская полупустую кружку из левой руки, правой пытался оторвать злодейски вцепившегося в его штаны рака. «Видать за границу зоны заступил, – подумал Железяка. – Без приключений обойтись не может…»

В шестой лунке глубина оказалась метр с небольшим. Едва он приподнял мормышку от дна и совершил ею парочку колебаний, как сторожок резко кивнул. Лекпин не был готов к этому, но все же инстинктивно подсек, и через секунду отправил в сумку неплохого окуня. «Только бы ты был не один, браток, только бы вас там было много», – шептал Алеф.

Второго, третьего и четвертого лекпин поймал, не успевая опускать мормышку на дно – полосатые разбойники хватали наживку вполводы. Настроение улучшалось с каждым пойманным окунем. Железяка вошел в ритм быстрой ловли. Мормышку – в лунку, частая игра с медленным подъемом, пауза… есть шестой, седьмой… семнадцатый. Уже и зрители обратили на него внимание, но болели тихо, опасаясь судейского гнева.

Убирая в сумочку очередного окуня, Алеф окинул взглядом всю зону. Симпатии зрителей разделились следующим образом: кучка болельщиков, следящая за ним, другая – в глубинной части зоны, где ловили эльфы, а вот третья группа, самая большая, ожесточенно жестикулируя, наблюдала за гигантом-троллем. Тот сидел к лекпину спиной, над которой болтались три воздушных шарика, и эта спина, широкая, как скала, закрывала все. Железяка не видел, чтобы громила что-нибудь ловил, правда у него и в мыслях не было, что этот неуклюжий может выловить хоть одну рыбку. Но не будут же зрители стоять просто так. Может народ всего лишь подсмеивается над этим горе-рыболовом?

– Как там у остальных дела? – окликнул он проходившего мимо Воль-Дель-Мара.

– Соревнуются, – важно ответил тот, давая понять, что подробнее на такие вопросы судья отвечать не имеет права. И тут же, как бы желая выказать свое расположение к лекпину, спросил: – А ты знаешь, зачем этот тролль шарики себе за спину повесил?

– Нет.

– Так он же весит несколько центнеров. А вдруг провалится? Разве такого вытащишь? Так вот, у него где-то там веревочка есть, и если тролль лед под собой проломит, он ее дернет, шарики надуются и его в воздух поднимут. Ловко?

– Ловко, – согласился Алеф.

Лично ему как-то не приходилось слышать, чтобы кто-нибудь из его народца проваливался под лед. Уж слишком мало лекпины весили.

Окуни продолжали клевать, правда, немного похуже. Приходилось делать проводку посложнее, с подъемами, паузами и опусканиями. Рыба привередничала, мотыля приходилось менять чуть ли не после каждой проводки.

«Осталось сорок минут», – отметил лекпин, посмотрев на большие песочные часы, установленные на помосте в центре зоны. Он взглянул на мощную спину тролля, невозмутимо возвышающуюся все над той же лункой. Эта невозмутимость заставила его задуматься. Другие соревнующиеся пытались подбуриться то к эльфам, то к Железяке, но только к троллю ближе метров десяти никто не смел приближаться.

«Осталось минут пятнадцать, клев прекратился, все, теперь бегу по свободным лункам. Сорок девять штук я поймал», – думал Алеф, наматывая леску на ладонь и устремляясь вглубь зоны.

Пусто, пусто, везде пусто, ни в одной из старых лунок поклевок не было. Остальные соревнующиеся вяло перемещались от одной свободной лунки к другой, только тролль, словно скала, так и не двигался с места.

До окончания состязания было ровно пять минут, когда еще один окунек пополнил улов лекпина. Но неожиданно, когда уже опускал пятидесятую рыбу в сумку, Железяка почувствовал, что что-то не так. Сложилось впечатление, что рыба не выскальзывает, а вырывается из его пальцев. И в следующую секунду окунь действительно вырвался. Опустив взгляд, лекпин увидел, как его трофей, пронзенный миниатюрной стрелой с привязанной леской, ускользает по снегу в сторону сидящего невдалеке эльфа.

– Ах ты, ворюга! – вскрикнул Железяка и, не выпуская из рук удочку, метнулся за драгоценной рыбой. Эльф ускорил подмотку, но лекпин оказался проворней и в прыжке накрыл окуня телом. Когда Железяка поднялся на ноги, крепко сжимая законную добычу, никакой стрелы в окуне уже не было, а коварный эльф, как ни в чем не бывало, склонился над своей лункой. Осмотревшись, он пришел к выводу, что свидетелей происшествия нет, а выяснять отношения с воришкой – только время терять.

«Ну, ничего, потом разберемся», – решил лекпин и поспешил опустить мормышку в лунку.

За оставшееся время, он умудрился выловить еще трех окунишек, ежесекундно повторяя про себя, что из-за эльфа потерял несколько драгоценных мгновений, а значит, и одного или даже двух окуней.

Зычная команда Эразма Кшиштовицкого: «Финиш!» возвестила об окончании соревнований. Участники потянулись к песочным часам, где судьи уже установили небольшой столик с алхимическими весами гномьей работы. Изготовленные по специальному заказу еще триста лет назад, золотые весы с двумя чашами и набором гирек в виде рыб разных пород, были гордостью факультета и хранились под неусыпными взглядами особой магостражи в глубоких подземельях факультетского замка.

Стоя в очереди на взвешивание уловов, Железяка слушал объявления результатов и радовался. Уловы были более чем скромные, и с каждым объявлением он все больше убеждался, что должен стать первым.

– Выкладывай рыбоньку, отрок, – суровый главный секретарь Женуа фон дер Пропст, магистр ордена монахов-рыболовов подал Алефу вместительную чашу. Лекпин не без гордости высыпал в нее рыбу. Окружающая толпа шумно вздохнула, и тут же некоторые зеваки начали делать ставки на вес улова Железяки.

– Два килограмма девятьсот семь граммов!

– Да ты пока первый, – фон дер Пропст подмигнул лекпину, – молодец!

«Первый, первый, – у Алефа даже голова от радости закружилась. – Я принят! Ведь принимают только первых трех! А я – первый…»

– Первый вес – три триста десять, – прозвучало очередное объявление.

«Как три триста десять? – не понял Железяка. – Я же поймал два девятьсот семь!» И тут он встретился взглядом с улыбающимся гномом Четвеергом.

«Ничего, – второй это тоже неплохо», – слегка расстроился лекпин.

– Два килограмма девятьсот сорок семь граммов! – возвестил фон дер Пропст вес эльфа, пытавшегося стащить у Железяки окуня.

«И этот нечестный меня сделал! – еще больше расстроился лекпин. – А ведь это именно из-за него я одного окунишку не поймал! Но третье место – тоже зачетное».

– У меня – ровно шестьдесят хвостов! – услышал он вдруг хрипловатый голос.

«Ого! – напрягся Железяка. – А у меня-то всего пятьдесят три было… Неужели облом?»

Протиснувшись поближе к весам, он увидел, что взвешивают рыбу того самого вампира.

– Два килограмма девятьсот… один грамм! – объявление главного секретаря бальзамом воскресило упавший лекпиновский дух.

– Если бы этот нежить у каждой рыбы всю кровь не высасывал, то он и меня, и тебя бы сделал, – сказал оказавшийся рядом с Алефом эльф-воришка.

В это время толпа колыхнулась и расступилась, пропуская приближавшегося к весам последнего из участников соревнований. Могучий тролль, словно ледокол лед рассекал толпу болельщиков, спортсменов и судей. За его спиной не было видно, сколько рыбы перекладывается в чашу весов. Все почему-то замерли, замер и Железяка, непрерывно твердивший про себя: «Тролли не могут ловить на мормышку, не умеют, они большие, неуклюжие и очень глупые».

– Шесть килограммов девятьсот тридцать четыре грамма. Первое место завоевал отрок Пуслан! Второе место занял отрок Четвеерг, третье – отрок Мухоол!

Объявление судьи-секретаря совершенно сбило Алефа с толку. «Тролль первый? Да этого быть не может!»

Толпа возбужденно загудела, повторяя на разные лады имена и результаты победителей. На глаза лекпина навернулись слезы. «Так все хорошо начиналось, а теперь еще целый

год до следующих отборов ждать…» Он продирался сквозь толпу, ничего не видя кругом. Кто-то удержал его за плечо.

– Тролль тут, гр. Ну, ты чо, расстроиться что ли? – великан смотрел с высоты своего огромного роста и по-доброму улыбался. – Тролль умеет ловить, гр, лекпин тоже умеет ловить. Но тролль лучше. Не надо расстраиваться…

– Лекпин Алеф по прозвищу Железяка, подойди к судейской коллегии! – прогремел вдруг голос декана Факультета.

– Что им там еще надо? Тоже поиздеваться хотят, – бросил Железяка троллю и направился к столику судей.

– Не надо, гр, расстраиваться… – услышал он вдогонку.

Эразм Кшиштовицкий и Женуа фон дер Пропст стояли рядышком, уперев руки в бока. Алеф остановился перед ними, не зная, что сказать. Пауза длилась не меньше минуты. Галдевшие вокруг зрители притихли в ожидании. Заговорил декан.

– Своим магическим зрением я видел каждую пойманную рыбу. Но на взвешивании в твоем улове, отрок, почему-то не оказалось самой первой плотвы. Куда она подевалась?

– Дык… – лекпин в растерянности скомкал пустую сумку для рыбы, потом машинально похлопал по боковым карманам куртки. В них у него всегда лежали: нож, миниатюрный телескопический багорик, отцеп-глубомер с маленькой катушечкой, складная кружечка… Но теперь, помимо всех этих причиндалов, в одном из карманов было что-то еще. Уже догадавшись, что это, но не понимая, как она могла там очутиться, Железяка вынул из кармана увесистую плотвицу.

– Я… забыл сдать? – спросил он, поднимая удивленные глаза на декана. – Как же так?!

– Минуточку, – Эразм Кшиштовицкий поднял руку и зажмурился, словно уйдя в себя.

Окружающие уставились на него.

– Все ясно, – доложил декан через полминуты главному секретарю. – Это дело Зуйки, той самой ведьмочки, которая околдовала двух русалок, чтобы те подавали ей через лунку рыбу.

– За что вы совершенно справедливо ее дисквалифицировали! – поддакнул фон дер Пропст.

– Да. Но прежде чем покинуть зону, Зуйка умудрилась колдонуть, и рыба переместилась из сумки лекпина в карман его куртки, – декан ухмыльнулся. – Я знавал бабульку этой Зуйки – известная была вредина. Если бы та бабулька колдонула, то половина твоего улова просто исчезла бы.

– И как же мы выйдем из сложившейся ситуации? – нахмурился фон дер Пропст. – От третьего места отрока Железяку отделяют всего-навсего сорок граммов. Но не предъявление на взвешивание этой плотвы, в которой на взгляд… – он взял рыбу в руку, – ровно сто пятьдесят два грамма, лишило его не только третьего места, но и…

– Я принимаю решение, – перебил главного секретаря Эразм Кшиштовицкий, и Железяка словно одеревенел. – Призеры уже объявлены во всеуслышание, и менять мы здесь ничего не будем. Однако! Учитывая, что отрок Алеф по прозвищу Железяка выступил на отборочных соревнованиях выше всяких похвал и не вошел в тройку призеров исключительно благодаря злонаправленному колдовству, я, пользуясь своим правом, в виде исключения, зачисляю этого способного лекпина кандидатом в студенты первого курса Факультета рыболовной магии. Да будет так!

До Железяки не сразу дошел смысл произнесенных слов. Он тупо смотрел на плотву, которую все еще, как бы взвешивая, держал в руке главный секретарь соревнований.

– Ты принят, отрок, – голос фон дер Пропста вывел лекпина из ступора.

– Ура, – тихо сказал Алеф и тут же заорал во все горло: – Ура-а-а! Я принят кандидатом! Спасибо, господин декан, господин главный секретарь. Я покажу, как умею ловить рыбу, и еще научусь. Я обещаю!

– Хорошо-хорошо, – улыбнулся декан, – ступай, отрок, встретимся через три дня на первом экзамене.

Расчувствовавшийся от таких поворотов фортуны, Железяка шел, глуповато улыбаясь и не разбирая дороги, пока не врезался в брюхо тролля.

– Тролль тут, гр. Я слышал, тебя тоже приняли в кандидаты? – великан улыбался, если обнажение его жутких клыков можно было назвать улыбкой. – Меня зовут Пуслан. Я, гр, с востока. А как зовут тебя?

– Я Алеф, но все зовут меня Железяка, – сказал лекпин, подавая великану маленькую ладонь.

– Мне, гр, приятно познакомиться с тобой. Я никого не знать тут…

– Послушай, Пуслан, как это ты умудрился столько рыбы поймать?

– Это мой, гр, маленький секрет, – вновь обнажил в улыбке клыки тролль. – Но секрет не для маленького лекпина. Гр, гр, гр. Я потом открою тебе этот секрет. Пойдем…

Они перешли с льдины на цветущий берег и двинулась вверх по городской улочке.

Тролль и лекпин уходили после очень важной победы в своей жизни. Они стали кандидатами в студенты первого курса, так же, как гном Четвеерг, эльф Мухоол и еще несколько десятков кандидатов, которые прошли отборы ранее. Впереди их ждали непростые экзамены в Академию магических наук на Факультет Рыболовной магии.

Глава вторая
Раннее утро на озере Зуро

Следующим утром, после проведения отборочных соревнований по подледной ловле рыбы, когда ночная темень уже отступила, а небесное светило еще не успело показаться из-за горизонта, на берег озера Зуро вышел бакалавр второй ступени, слушатель последнего курса Факультета Рыболовной магии Алесандро Б. Зетто. Было прохладно, хлопья тумана поднимались над водой, тут же таяли, но их место занимали такие же невесомые голубоватые клочья. Алесандро передернул плечами, поплотнее запахнулся в плащ, набросил на голову капюшон и зашлепал кожаными сандалиями по скользкой гальке в сторону факультетской пристани.

Всякий раз при сколь-нибудь даже незначительной потере равновесия бакалавр морщился от возникающей в голове боли. Еще бы – ночь напролет просидеть вместе с профессором Женуа фон дер Пропстом над составлением контрзаклинаний, когда в тесном кабинете-лаборатории не продохнуть от курящихся заморских траволилий, и не счесть количества жадно поглощаемых чашек кофе. Без него Алесандро точно бы заснул, но факультетский кофе есть факультетский кофе, и бакалавр хорошо сознавал, что сможет оставаться на ногах еще несколько часов. Вот только голова…

Он в очередной раз поскользнулся и остановился, чтобы, закрыв глаза и нажав на виски собранными в щепотки пальцами, мысленно произнести заклинание обезболивания. Чтобы оно подействовало, необходимо было оставаться без движений минимум полторы минуты.

Голове стало немного полегче, но тут же перед глазами возник гигантский ленточный червь-паразит. Молочно-белый, слегка отливающий в голубизну, глянцево-маслянистый извивающийся гад толщиной с руку младенца вылезал из пупка Алесандро, сворачивался неровными кольцами на животе и неотрывно смотрел ему в лицо. Больше всего пугали бакалавра два маленьких черных глаза, которых у паразита просто не должно было быть. Эти черные бусины смотрели не мигая, словно пытались загипнотизировать…

– Бр-р-р-р, – Алесандро очнулся от навязчивого видения. – А ведь эта тварь не впервые меня достает! Надо будет к декану обратиться, пусть растолкует, к чему весь этот кошмар? Уж очень странное побочное действие заклинаний…

Он двинулся дальше. Факультетский пирс был пустынен. Пришвартованные лодки застыли, прижавшись друг к другу. В каждой лежали весла, веревки, грузы, черпачки, спасательные жилеты. Все аккуратно, ровненько, что говорило о том, что на предстоящие сутки дежурным по лодочной станции заступил гном Рожокс, для которого порядок был превыше всего.

Бакалавр бросил взгляд на будку лодочника, из-за зашторенного окна которой пробивалась желтая полоска света, и решил не беспокоить гнома. Один из металлических шкафчиков, среди трех десятков точно таких же, стоявших в ряд, принадлежал лично Алесандро. В нем он хранил снасти: обычные и магические спиннинги, катушки, подсачек, несколько куканов и садков. Подойдя к шкафчику, он произнес пароль-заклинание, дверца открылась, и бакалавр, забрав все необходимое, направился к лодке.

Вообще-то, обладая немалыми знаниями рыболовного мага, Алесандро Б. Зетто вполне обошелся бы и без лодки. Применив заклинание хождения по воде, он мог легко прогуляться хоть до противоположного берега озера и обратно. Но одно дело просто так бродить по воде аки посуху, и совершенно другое – ловить при этом рыбу. Тем более, если ты собираешься иметь при себе несколько спиннингов, подсачек, сундучок с лабораторными приборами, да еще и толстенный журнал для записей. Но кроме всего этого, Алесандро Б.

Зетто хоть и имел степень бакалавра, до сих пор не мог в достаточной мере четко творить так называемое «Крутопарсоновское заклинание», которое позволяло одновременно держаться на воде и использовать магознания, помогающие ловить рыбу. Такое заклинание было под силу лишь профессорам, да особо одаренным выпускникам Факультета Рыболовной магии, прошедшим специальные курсы. Алесандро пытался освоить его самостоятельно, но пока все попытки заканчивались лишь конфузами.

Ходить-то по воде он умел, и забрасывать спиннинг при этом получалось довольно неплохо, но как только после поклевки и подсечки пытался воспользоваться заклинанием «Удачного вываживания», моментально в комплексе заклинаний что-то разлаживалось и… бакалавр оказывался с головой под водой. Рыба, конечно же, сходила, а свидетели происшествия, если таковые оказывались поблизости, смеялись.

Кстати, таких «неожиданных» свидетелей с каждым разом становилось все больше. Алесандро Б. Зетто славился как очень прилежный и талантливый студиоз и неоднократный победитель факультетских соревнований. Естественно, эти успехи вызывали среди некоторых студентов зависть, причем, далеко не всегда «белую». Нашлись и такие, которые, завидя Алесандро, оправляющегося на рыбалку, устраивали за ним слежку, и, дождавшись когда он в очередной раз не справлялся с многосложным заклинанием, смеялись и издевались над ним.

Однако бакалавр был настойчив в своих стремлениях, эксперименты с досрочным освоением сложных заклинаний не прекращал, а эти, как он считал, «детские забавы» со слежками его не то чтобы раздражали, просто иногда немного мешали настрою. Поэтому в последнее время Алесандро старался приходить к озеру пораньше, пока остальные студенты еще не проснулись. И сегодня, отвязывая лодку от пристани, он не оставлял мысли, что после выполнения намеченных экспериментов, в очередной раз предпримет попытку справиться с «Крутопарсоновским заклинанием».

Отчалив, Алесандро взялся за весла и неторопливо погреб в сторону своего любимого залива, который назывался Премудрый. В последнее время там без особых сложностей можно было поймать подсачеком двух-трех лещей, пораженных ленточным паразитом и потому плавающих по поверхности. Темой его курсовой работы по предмету «Магическая ихтиология» было исследование современных причин возникновения болезней нехищных рыб.

Плыть до Премудрого было не менее получаса. За четыре с лишним года обучения на Факультете Алесандро досконально изучил рельеф озера. Он знал, что вскоре лодка пройдет над длинной песчаной косой, плавно уходящей от берега перпендикулярно в озеро, что коса эта постепенно переходит в каменистую гряду, а та, в свою очередь, обрывается в одну из самых знаменитых, сложнорельефных и больших в диаметре ям Зуро, которая носила название Чернокаменной ямы. В ней обитали наиболее крупные экземпляры щук, мохнорылых судаков, домотаскателей, камнеедов и других видов, как обычных, так и магических рыб. Отличительной особенностью обитателей ямы был очень темный, почти черный налет на чешуе.

В любую погоду и почти в любое светлое время суток (ночью любая ловля на факультетских водоемах расценивалась, как браконьерская) над этой ямой можно было увидеть хотя бы одну лодку с рыболовом. Вот и сейчас, несмотря на то, что рассвело совсем недавно, Алесандро различил в районе ямы маячившую сквозь туман фигурку спиннингиста. Что это спиннингист было понятно по заметным даже с приличного расстояния ярко-желтым искоркам, которые нет-нет да отлетали от вершинки удилища. Только магические спиннинги обладали таким эффектом.

Алесандро, приблизительно догадывавшийся, кто кроме него мог выбраться в такую рань на воду, повернул лодку и направил ее на сближение со спиннингистом. Предположе-

ния оказались верны – просыпающиеся воды озера хлестал магическим спиннингом третьекурсник из клана ветмагов Мак-Дин.

«Что с них, с третьекурсников, возьмешь! – усмехнулся про себя Алесандро. – Как только освоят маголовлю, сразу стремятся самую крупную рыбу поймать. Эх, молодо-зелено! Разве в крупных рыбах счастье?»

Остановив лодку, неподалеку от лодки Мак-Дина, Алесандро задал провокационный в данной ситуации вопрос:

– Давно ловишь?

– Согласно факультетским правилам – «как только ночная темень сложила свои полномочия», – не поддался на провокацию тот.

– Ну и как, докторишка, зацепил крупняка?

– Пока еще нет, – Мак-Дин мельком глянул на Алесандро. – Но две поклевочки были. Стопроцентные!

– Завираешь, как всегда, – усмехнулся бакалавр. – Любите вы в своем клане докторишек пыль в глаза пускать.

Алесандро был прав – клан ветмагов славился своим, мягко говоря, фантазерством. Мак-Дин тоже любил пустить пыль в глаза. Но студентом он считался далеко не из последних, обладал завидной тягой к знаниям во всех областях, упорством (чем очень импонировал Алесандро) и, что самое главное, несомненным магическим талантом в области лечения. Его способности к ветеринарии и медицине были выше всяких похвал.

– *Есть, на-ик*! – вдруг выкрикнул заклинание подсечки Мак-Дин.

Резко дернув спиннингом, он быстро завращал ручку катушки и почти сразу прекратил суету, – леска спиннинга безвольно провисла.

– Обырвалк, – прокомментировал ситуацию Алесандро Б. Зетто. – Так и должно было произойти. Вместо того чтобы фантазии в своей голове выстраивать, надо было хотя бы среднее «Нерушимое заклинание подсечки» накладывать, моментально переходящее в заклинание «Успешного вываживания».

– Да знаю, знаю, – проворчал Мак-Дин, – проворонил я камнеедика знатного…

– Смотри, на очередном экзамене так не проворонь, – сказал Алесандро.

Развернув лодку, он приналег на весла, глядя, как Мак-Дин торопливо привязывает к леске новую приманку. Фигура спиннингиста сгорбилась и сейчас напоминала ворона, клюющего добычу. Вскоре этот «ворон» скрылся в тумане, сквозь который изредка мелькали желтые искорки.

Туман заметно сгустился, окончательно скрыв очертания берега, и Алесандро был вынужден прибегнуть к заклинанию «Безупречного ориентирования на воде». Но, хотя теперь он был на сто процентов уверен, что не собьется с курса, плыть, когда вокруг ничего не видно, не хотелось. Да и необходимых ему лещей на поверхности воды в такой ситуации обнаружить можно было лишь у самого борта лодки.

Алесандро перестал грести и, чтобы не терять времени, решил перекусить. Нехитрый завтрак составили булочка с курагой и бутылка молока. Головная боль начала отступать. Убирая пустую бутылку обратно в рюкзак, бакалавр, как всегда, наткнулся на плоскую коробочку ЛМЭ – «Лакмо-Маго-Элементов». И привычно вспомнил, как почти пять лет назад эту коробочку и еще два десятка подобных ЛМЭ ему и всем другим студентам, только что зачисленным на первый курс Факультета Рыболовной магии, вручал вместе со студенческой грамотой лично декан Эразм Кшиштовицкий. А на самом первом уроке декан, опять же самолично, показал, как пользоваться находящимися в коробочках лакмусовыми ленточками, и для чего это нужно. Как потом выяснилось, тот первый урок был еще одним экзаменом. Экзаменом после экзаменов. И тот студент, который сразу же после объяснений Эразма Кшиштовицкого не смог бы ответить, для чего предназначается ЛМЭ, как им правильно

пользоваться, и как себя вести в соответствии с показаниями лакмусовых ленточек, моментально отчислялся с Факультета.

В тот памятный для Алесандро день таким невнимательным студентом, не удосужившимся запомнить слова декана и из-за этого проучившимся на Факультете всего один урок, оказался Мак-Дин…

* * *

Поднявшийся легкий ветерок постепенно разрывал туман в крупные клочья, те, в свою очередь, распадались на более мелкие, быстро таявшие, а с ними у Алесандро рассеивалась и головная боль. Он вновь взялся за весла и направил лодку вдоль изломанного берега, прямиком в Премудрый. Достигнув поворота в залив, развернул лодку и теперь плыл кормой вперед, внимательно осматривая поверхность воды, надеясь заметить горбики больных лещей.

Он продвигался дальше и дальше, но, как ни странно, не видел ни одной рыбины, да и вообще все вокруг было каким-то не таким. Алесандро не слышал всплесков, у поверхности воды не копошилась рыбья мелочь…

«Не иначе, как крупная щука, а то и несколько зубастых в залив на охоту вышли, – подумал он. – А может… здесь без магии не обошлось, а может кто-нибудь эксперименты незаконные ставил?!»

Подозрения бакалавра усилились, когда на поверхности воды обнаружились крупицы бледно-желтой пыльцы. Чем дальше в залив продвигалась лодка, тем желтее становилась вода. Стали попадаться и вовсе ярко-оранжевые пятна. Все они были примерно одинаковых размеров, круглые, с чуть размытыми краями. После каждого взмаха весел в воде образовывалось облачко отвратительной мутной взвеси.

«Что же это такое? – хмурился Алесандро Б. Зетто. – У кого же это ума хватило превратить чистейшее озеро в загаженный пруд?!»

Он оставил весла, перегнулся через борт, закрыл глаза и сосредоточился, применяя заклинание «Локального осмотра дна». И сразу же отогнал его прочь. То, что он сумел различить магическим зрением, потрясло: весь осматриваемый им участок дна был усыпан скелетами подводных обитателей!

Слегка дрожащими руками Алесандро развязал тесемки рюкзака и достал коробочку «Лакмо-Маго-Элементов». Примерно половина из лежащих там приборчиков представляли собой прозрачные полые поплавки, в которых наподобие серпантина были свернуты длинные голубоватые лоскутки, покрытые бесцветными магическими рунами. Конец каждого лоскутка был выведен наружу и к нему крепился грузик, быстрорастворяющийся в воде. Сам же поплавок, наоборот, был сверхпрочный, не поддающийся химическим и магическим воздействиям. Произнеся подобающе слова заклинания, бакалавр бросил приборчик за борт. Лоскуток моментально раскрутился, поплавок наполовину притопился, но не прошло и тридцати секунд, как освобожденный от исчезнувшего грузика лакмус свернулся обратно в поплавке. За это время Алесандро успел надеть перчатки и теперь, не мешкая, схватил поплавок, стряхнул с него воду, насухо протер салфеткой и убрал в еще один герметично закрывающийся поплавок, а тот – в коробочку ЛМЭ. Уже закрывая коробочку, он успел заметить, что цвет лакмуса, надежно спрятанного в поплавке, из голубоватого начал превращаться в розовый.

– Только бы красным не стал! – взмолился Алесандро. – Только бы не…

О лодку что-то глухо стукнулось. Бакалавр перегнулся через борт и увидел в полуметре от себя широко раскрытые глаза на прекрасном чуть-чуть зеленоватом русалочьем лице. Он знал этих подводных обитательниц озера Зеро как неисправимых шалуний, любящих подурачить студентов факультета. И при других обстоятельствах первым делом подумал бы, что

его просто разыгрывают. Но только не сейчас. Остекленевшие глаза подводной красавицы не оставляли сомнений, что она мертва. И, кроме того, Александр с ужасом увидел, что широкий русалочий хвост на одну треть превращен в скелет. Еще мгновение, и бедняжка погрузилась в желто-мутные воды озера, а на ее месте покружились и исчезли два водоворота.

* * *

Третьекурсник Факультета семинара ветмагов Мак-Дин строго придерживался принципа: если во время рыбалки у него происходило три обрыва подряд, и еще не было поймано ни одной рыбы, он прекращал ловлю и сматывал снасти. Такое редко, но случалось, и сегодняшняя рыбалка оказалась именно такой несчастливой – три обрыва, а на кукане ни одной рыбы.

Теперь Мак-Дин сидел на пирсе, побалтывая ногами в прохладной воде (он считал, что такие ежедневные процедуры очень полезны для здоровья), и уже раз в пятый рассказывал Рожоксу, как эти обрывы у него произошли. Рожокс – неопределенного возраста щупленький курносый гном с редкой бороденкой сидел рядом на табуретке (которая, кстати, была у него привязана на специальном поясе и находилась сзади), и время от времени спрашивал: «И что ты сам себе при этом подумал?» Всякий раз Мак-Дин оставлял этот вопрос без ответа, но в то же время все больше увлекался повествованием. Рыбы, так немилосердно откусывавшие у него блесны, с каждым повторением истории становились все больших размеров. Если сначала это были просто «пару матерых камнеедищ» и «мамочка мохнорылого судака» весом по шесть – семь килограммов, то теперь они уже превратились в монстров по два пуда каждый. Все шло к тому, что на самом деле Мак-Дин этих камнеедов и мохнорылых судаков поймал, но тут же и отпустил, как очень редких по весу экземпляров…

– Мак-Дин, – внезапно перебил рассказчика гном, – а ты с русалкой смог бы это… того?

– С русалкой? – взгляд Мак-Дина, слегка затуманенный перспективой своих мнимых рыболовных подвигов, прояснился. – А легко, между прочим. Я же этих шалав всех тут знаю. Могу и тебя кое с кем познакомить. Совсем недавно, третьего дня, что ли, я с одним моим хорошим приятелем, Казимиром – хозяином лавки «Настоящая магическая рыбалка» с двумя русалочками очень даже неплохо пообщался в заливчике имени Батюшки Дыка. Что там было, что там было!

– А-а-а… это… тюнь-дюрюнь? – слегка застенчиво спросил Рожокс.

– Тюнь-дюрюнь? – переспросил Мак-Дин. – И тюнь-дюрюнь было, и все такое. Мои навыки ветеринара, кстати, очень пригодились…

– Ветеринара? – не уловил связи Рожокс.

– Ну а кого же… – Мак-Дин вдруг поднял руку и, призывая лодочника к вниманию, показал ему на гладь озера. – Гляди-ка.

Рожокс встал и приставил ладонь ко лбу. Со стороны Премудрого залива прямиком к пирсу плыла лодка. Плыла очень быстро, прямо-таки неслась, однако сидящий в ней человек и не думал грести веслами.

– Ба! – выкрикнул лодочник. – А кто это разрешил нашему бакалавру заклинанием движения пользоваться? Его же только магам стареньким да увечным можно творить.

– Может, случилось что? – Мак-Дин тоже поднялся на ноги и стал следить за приближением Алесандро Б. Зетто.

Заклинаний движения лодки существовало несколько. В данном случае бакалавр применил заклинание «Вращающегося тростника». Другими словами, лодка двигалась благодаря привязанному к корме толстому пучку тростника, который под действием магических сил очень быстро вращался наподобие винта.

За несколько метров до пирса Алесандро простер руки над тростниковым винтом, тот вмиг распался и изрядно потрепанные стебли пошли на дно. Потерявшая движущую силу лодка постепенно замедлила ход и мягко ткнулась носом в замшелые бревна пирса.

– Алесандро, ты хоть и почти маг, но далеко не старенький и конечно не немощный, а тем более не ущербный, – подавая ему руку, сказал с некоторой ехидцей Мак-Дин.

– Ты это… Ты зачем правила нарушаешь? – недовольно пробурчал лодочник.

– Примите лодку. И уберите мои снасти в ящик, – сказал Алесандро, набрасывая на плечи рюкзачок. – Обстоятельства не терпят проволочек. Все очень, ОЧЕНЬ СЕРЬЕЗНО!

* * *

Декан Факультета рыболовной магии Эразм Кшиштовицкий, облаченный в роскошный четырехцветный (по цветам герба факультета) шелковый халат, вальяжно развалившись в кресле, завтракал в личном кабинете. Еда и питье находились на большом деревянном подносе, украшенном копией его фамильного герба, который декан пристроил у себя на коленях. Завтрак состоял из огромной чашки кофе и двух рыбных блюд: с нежнейшей соленой семгой и с копченой стерлядью. В отличие от многих профессоров Факультета, ни красную, ни черную, ни любую другую икру во время завтрака декан не употреблял.

Кресло стояло посередине просторного кабинета, который располагался в верхнем ярусе Средней башни главного факультетского замка. Окна кабинета выходили на озеро Зуро. Между окнами на декоративной стойке из мореного дуба выстроились в ряд десятка три магических спиннингов. Одну из стен занимали стеллажи с фолиантами в роскошных кожаных переплетах. Противоположная стена, у которой стоял стол с письменными приборами, была сплошь увешана медалями, значками, вымпелами и дипломами Кшиштовицкого. Внушительную композицию наград венчала высушенная голова гигантского мохнорылого судака, которого декан самолично изловил на спиннинг в одном Северошиманских соленых озер.

Прихлебывая горячий кофе и наслаждаясь тающими во рту рыбными ломтиками, Эразм Кшиштовицкий наблюдал за игрой солнечных бликов на его многочисленных наградах. День обещал быть прекрасным. А из намеченных дел сегодня было лишь одно – наведаться в гномьи мастерские к известному блесноделу Пименсу. Накануне тот недвусмысленно намекал, что изобрел кое-что новенькое.

Громкий стук в дверь нарушил кабинетную тишину.

– Прошу, – выкрикнул декан.

– Красный, господин декан! Лакмус красный! – выпалил ворвавшийся в кабинет Алесандро Б. Зетто. – И русалка мертвая!! И все дно в рыбьих скелетах!!!

– Что? Где? – моментально напрягся Кшиштовицкий.

– В Премудром! Вот, – Алесандро протянул ему коробочку ЛМЭ.

Кшиштовицкий поднялся с кресла, оставил на нем поднос и подошел к письменному столу, где под прозрачным стеклом была подробная карта озера Зуро. Бакалавр последовал за ним и ткнул пальцем в место на карте, где увидел русалку.

– Лакмус! – скомандовал декан.

Он действовал очень быстро. Достал из скрытого дипломами, встроенного в стену сейфа, шкатулку с набором мензурок с магическими определителями и старинный фолиант в черном кожаном переплете. Закрепил на специальных растяжках переданный Алесандро лакмусовый лоскут и по очереди стал капать на него из каждой мензурки, сопровождая это заклинаниями, которые вычитывал в фолианте. Мензурки были разных размеров, и находящиеся в них жидкости были разноцветные. Реакция произошла, когда он добрался до последней, самой маленькой мензурки. Не успела единственная капля из этой мензурки

коснуться лакмуса, как раздался треск, кабинет окутался желтовато-розовым дымом, а сам лоскуток моментально скукожился и рассыпался в прах.

Кшиштовицкий задержал дыхание и зажал ладонью нос и рот бакалавра. Тот догадался, что сделано это было для того, чтобы не вдохнуть быстро рассеивающийся дым и понимающе мигнул. Декан показал пальцем на дверь, и они бросились из кабинета вон.

– Кто еще… в курсе всего этого? – спросил Кшиштовицкий, когда они оказались во дворе.

– Не знаю. Меня видели Рожокс и Мак-Дин. Ветеринар тоже с самого утра ловил на озере в районе Чернокаменной ямы. Но это… явление… было только в Премудром. В остальных местах все, как обычно. У Мак-Дина даже поклевки сегодня были. Я сам видел.

– Быстрей на пирс. И никому ни слова. А со свидетелями я сам все улажу, – распорядился декан.

Они оказались на пирсе как раз в тот момент, когда Мак-Дин прощался с Рожоксом. Завидев главу Факультета в домашнем халате, третьекурсник, скрывая улыбку, поспешил склониться в поклоне. Лодочник прежде с беспокойством оглядел пирс, но, убедившись, что вокруг практически идеальная чистота, подбоченился и приготовился сделать доклад, но Кшиштовицкий не дал ему раскрыть рта:

– Я знаю, что вы стали свидетелями применения Алесандро Б. Зетто заклинания движителя, – сказал он. – Ставлю вас в известность, что сей бакалавр действовал исключительно по моей просьбе. В связи с этим, своей властью декана Факультета рыболовной магии приказываю вам, уважаемый Рожокс, и вам, уважаемый Мак-Дин, об этом случае не распространяться. Надеюсь, вы все поняли?

– Мы все поняли, – в один голос выпалили те.

– В таком случае, вы, Рожокс, срочно подготовьте мою персональную лодку. Мы с господином бакалавром немедленно отправляемся на инспекционный контроль! – распорядился Кшиштовицкий.

Лодочник бросился выполнять приказ. И только когда лодка декана, подчиняясь заклинанию движителя, увезла своего хозяина и заметно нервничающего бакалавра на приличное расстояние от берега, стоявшие на пирсе Рожокс и Мак-Дин опять же в один голос сказали:

– Ничего мы не поняли…

* * *

Сколько ни всматривались Эразм Кшиштовицкий и Алесандро Б. Зетто в поверхность воды залива Премудрого, сколько ни применяли магическое зрение, чтобы увидеть творящееся на дне озера, ничего необычного, то есть: ни плавающей бледно-желтой пыльцы с ярко-оранжевыми пятнами, ни останков подводной живности, ни, тем более, полуразложившейся русалки обнаружить они не смогли. Правда, не увидели они в заливе и ни одной живой рыбки, лягушки или даже пиявки. Зато на берегу Эразм Кшиштовицкий заприметил две маячившие фигуры, и еще издали узнал в них своих бывших студентов – господина Воль-Дер-Мара и эльфа Малача. Не прошло и пары минут, как лодка декана ткнулась в прибрежный песок прямо напротив них.

Глава Факультета, не медля, выпрыгнул на берег. Воль-Дер-Мар и Малач молча отвесили ему церемониальный поклон, после чего эльф поднял руку, в которой Кшиштовицкий увидел рыбий скелет. Малач держал скелет головой вниз за хвост, который предварительно обернул в пучок зеленой осоки. Судя по форме и размерам скелета, это была крупная щука.

– Рассказывайте! – велел Кшиштовицкий после того, как отослал Алесандро посмотреть, нет ли в близлежащих заливах еще чего-нибудь необычного.

И они рассказали. Как среди ночи во сне их обоих будто что-то толкнуло. Как они почти в одно время оказались на берегу Премудрого и в предрассветных сумерках сразу поняли, что с водой что-то не так. Она словно бы жила какой-то особенной жизнью. Вернее не жила, а умирала. И как они догадались, что на самом деле воду в заливе покрывает большая прямоугольная льдина – та самая, на которой накануне проходили отборочные соревнования. И что отверстия в этой льдине не что иное, как бывшие лунки, теряющие свою форму по мере того, как она таяла. А потом Воль-Дер-Мар и Малач вдруг увидели, как из ближней к ним лунки в воздух выскочила щука. Это было совсем рядом с берегом, и человек с эльфом прекрасно сумели рассмотреть, что в первое мгновение щука выглядела обыкновенной рыбой. Но уже в полете с каждым извивом тела, с каждым мотанием головы и хвоста со щуки отлетали разложившиеся куски кожи и мяса, и на песок в нескольких сантиметрах от воды упал уже полностью, до белизны обглоданный неведомым образом скелет…

Глава третья
Первый экзамен

Подсечка получилась что надо. Размашистая, резкая, от плеча. Спиннинг согнулся в дугу. Женуа фон дер Пропст, магистр ордена монахов-рыболовов, профессор кафедры некрупной рыбы, почувствовал на противоположном конце снасти мощное ответное движение. Он скороговоркой выпалил заклинание повторной подсечки, затем, секунду посомневавшись, заклинание вываживания, ибо добыча, судя по сопротивлению, была внушительных размеров.

Леска резала воду, как раскаленный нож сливочное масло, полдня не знавшее температуры погреба. Заклинание помогало слабо. «Неужто что-то магическое зацепил? Рыбодракона, толстопузого синего окуня или же просто какая-нибудь нечисть взяла?» – думал фон дер Пропст, стараясь не форсировать вываживание. То и дело ему приходилось сдавать метры лески, крутить рукоятку катушки то вперед, то назад. Он принципиально не пользовался фрикционным тормозом, рассчитывая исключительно на свою реакцию. Леска, изготовленная мастерами-гномами из жил мохнорылого судака, крепко держала добычу, спиннинг гасил рывки невидимой твари. Профессор не спеша подводил желанную добычу к лодке.

– Кто там, покажись, – процедил сквозь зубы Женуа фон дер Пропст.

Кто-то или что-то натужно поднималось из глубины. Наконец, на поверхность всплыл и лопнул большой пузырь воздуха, затем еще один поменьше, и в метре от борта лодки плеснулся хвост.

«Налим! – подумал профессор. – Нет, сом. Сомище!! Как я играю!!! Но почему хвост у него какой-то раздвоенный? Ну, прямо, как…»

Рядом с хвостом из воды вдруг показалась рука, сжатая в кулак. В кулачок. А потом на поверхность всплыла… русалка.

– Ты что, обалдел совсем! – крикнула зеленоглазая и, мотнув роскошным хвостом, окатила Женуа фон дер Пропста водой.

Профессор непонимающе перевел взгляд с русалки на спиннинг, и в это время удилище дернулось так, что он чуть было, не выпустил его из рук. Но удержал, потянул на себя и… проснулся.

За руку его тянул факультетский котяра по прозвищу Шермилло. Он смотрел на Пропста круглыми желтыми глазами и сердито шипел:

– Обалдел, что ли совсем, профессорище? Вставай-й-й, давай-й-й. Проспиш-шь экзамены. Придут отроки, а экзамен принимать некому…

Женуа потряс головой, потер глаза и, убедившись, что перед ним не русалка, а всего лишь говорящий кот, спросил:

– Какой экзамен?

– Ну ты, братище, профессорище, даеш-шь. Сегодня же первый из основных экзаменов! И ты, кстати, его принимаеш-шь…

– Сегодня???

– Ну, даеш-шь… Опять всю ночь напролет с Алесандро Б. Зетто опыты ставил? Все новые заклинания ищеш-шь. Ну-ну, ну-ну, – Шермилло протянул фон дер Пропсту чашку с дымящимся кофе. – На вот, кофейку испей-й-й, да глаза протри, что ли. Может в себя быстрее придеш-шь.

Профессор отхлебнул ароматный сладкий кофе, присел на кровати, свесив босые ноги. Чтобы окончательно проснуться, он произнес про себя заклинание мгновенного умывания,

а уже через пару секунд почувствовав себя гораздо бодрее, и стал наблюдать, как котяра возится со спиртовкой.

Факультетский кот Шермилло был ростом примерно с лекпина, абсолютно черного цвета, за исключением белоснежных кругов вокруг ярко желтых глаз. Ходить кот предпочитал на задних лапах, носил короткий сюртук коричневой кожи, очень прилично разговаривал на человеческом языке, был хитер и умопомрачительно жаден до рыбы. Несколько лет назад фон дер Пропст отбил его у бродячих циркачей, которые заставляли Шермиллу выступать перед рыночной публикой, при этом отвратительно кормили и не давали возможности ловить рыбу. С тех пор котяра прижился на Факультете. Женуа фон дер Пропст был для него старшим товарищем, а кот стал у него своего рода адъютантом, первым и незаменимым помощником по хозяйству и, кроме того, полноценным партнером на рыбалке.

Котяра поставил на спиртовку чугунную сковороду и, помешивая серебряной вилкой яичницу-болтунью, возобновил нотации:

– Безответственный ты. Накануне экзамена, мог бы и пораньш-ше лечь. Студиозы-то на тебя молятся, и ты марку факультетскую должен держать. Сейчас, давай, поеш-шь, – Шермилло поставил шипящую (и этим шипением чем-то подражающую его речи) сковородку на столик и протянул профессору ножик и вилку. – Еш-шь, а то весь день голодным будеш-шь. Когда еще эти экзамены закончатся…

– Что бы я без тебя делал? – улыбнулся профессор.

– Сдох бы, точно. Не от голода, так от разгильдяйства своего, – нагловато ответил котяра и, взяв вторую вилку, тоже стал ковыряться в яичнице. – Вообще-то, прежде чем эти яйца разбивать, не мешало бы сначала на сковородке штук пять плотвичек поджарить. Так тебе все некогда на обычную рыбалку сходить. Все опыты…

Женуа фон дер Пропст закончил трапезу, вытер рот полотенцем, после чего начал одеваться.

– Мантию, мантию парадную надень, – устроившись в кресле, котяра придирчиво следил за хозяином. Он сидел совсем по-человечески, скрестив задние лапы и держа в передней правой трубку, из которой поднимался сизый табачный дымок.

– Хватит тут курить! Ненавижу, когда курят, – профессор запустил в котяру шелковым тапком, и обязательно попал бы Шермилле в голову, если бы тот с присущей котам проворностью не пригнулся.

– Давай-й-й, давай-й-й профессорище, до начала экзамена пятнадцать минут осталось. Ты хоть помниш-шь, какой экзамен принимаеш-шь? – спросил кот, и увернулся от второго летевшего в голову тапка. Реакция у Шермиллы была – дай бог любому рыболову.

* * *

Почти все время, то есть все три дня, оставшееся после отборов до начала экзаменов, лекпин Алеф по прозвищу Железяка посвятил чтению различной рыболовной литературы: журналов, книг, пособий для начинающих. Ему всегда нравилось читать про рыбалку. Он даже был подписчиком журнала «Мормышечник» (который выходил семь раз в год – с января по апрель и с октября по декабрь) и заботливо хранил все эти журналы у себя дома в отдельном шкафчике. Правда, кроме «Мормышечника» у него имелось всего лишь пособие по подледной ловле на мормышку и справочник «Рыбалка в Среднешиманье» – книги по рыбалке стоили недешево. Но зато на следующий день после отборочных соревнований Железяка вместе со своим другом Тубузом Мораном заглянул в Факультетскую библиотеку, куда беспрепятственно допускались все абитуриенты.

Увиденное там потрясло лекпинов. Такого многообразия рыболовной литературы они и представить себе не могли. Подшивки множества газет и журналов, красочно иллюстри-

рованные энциклопедии, карты, атласы, каталоги рыболовных снастей, приспособлений и экипировки, целые фолианты, посвященные каждому виду рыб, рыболовно-спортивные справочники и, самое главное – полное собрание «Вестника монахов-рыболовов», составителями которого были их будущие преподаватели Эразм Кшиштовицкий и Женуа фон дер Пропст.

Один из таких «Вестников» был первой в жизни книжкой, прочитанной Железякой. Прочитанной и неоднократно перечитанной. «Вестники монахов-рыболовов» были величайшим дефицитом. Та его книжка досталась лекпину в наследство от незабвенного деды Пааааши, и внук очень берег ее. Вот только не уберег – пропала книжечка, украли из дома, пока был на рыбалке…

Между прочим, одной из причин, по которой Алеф мечтал поступить на факультет рыболовной магии, была гарантированная и с приличной скидкой возможность приобретать все новые рыболовные издания.

Отстояв очередь, лекпины взяли с собой столько книг и журналов, сколько могли донести до своих домиков, где и засели за чтение. Раньше для Железяки слово «экзамен» почему-то ассоциировалось с понятием «соревнования». То есть, он был вполне уверен, что сдать экзамены означало то же самое, что кого-то обыграть, обставить. А если экзамены сдавались на факультете рыболовной магии, следовательно, там надо было поймать рыбы больше других.

Но оказалось, что обловить или, другими словами, пройти отборочные соревнования – было только первым этапом на пути к факультету. Вторым и главным – были экзамены, на которых, по словам Тубуза Морана, строгие преподаватели будут мучить соискателей сотнями вопросов, потому что ловить-то всякий умеет, а сколько та или другая рыба живет, чем, почему и как питается и тому подобное, рыболовы обычно не знают. «Экзамены, – сказал Тубуз Моран, – это тоже, в некотором смысле, соревнования, но не контактные, а такие, в которых ты соревнуешься с другими в объеме имеющихся знаний. И даже не в объеме знаний, а… В общем, идя на экзамены, надо знать как можно больше. А говорить – еще больше».

Так сказал Тубуз Моран, а Железяка привык верить своему другу. Поэтому добросовестно стал набираться знаний из взятых в библиотеке книг…

И вот наступил день первого экзамена. Никто из соискателей не знал, что это будет за экзамен. Правда, накануне на главных дверях факультета появилось короткое объявление, содержание которого мигом стало известно всем абитуриентам.

«Внимание, всем поступающим! На первом экзамене не рекомендуется иметь при себе никаких письменных принадлежностей. Форма одежды – рыбацкая. Рыболовные снасти не брать!».

«Если написали, чтобы рыбацкую форму надевали, значит, наверное, ловить будем! – обрадовался Алеф. – А снасти там выдавать будут. Но какие? На что ловить-то придется? В любом случае, надо с собой побольше рыбацких причиндалов прихватить – про них в объявлении ничего не сказано».

Экипировался Железяка всегда очень тщательно, зная, что в рыбалке важна каждая мелочь. Правда, касалось это исключительно рыбалки зимней. Летом лекпин и ловил-то не так часто, и брал с собой на озеро или реку лишь парочку простеньких удочек, да несколько запасных крючков. Зимой – совсем другое дело. И хотя сейчас на дворе была макушка лета, Алеф решил экипироваться и по-летнему, и по-зимнему.

Поэтому, когда утром за час до экзамена он вышел из своего домика-норки на улицу, у поджидавших его Пуслана и Тубуза глаза на лоб полезли. Со стороны Железяка чем-то напоминал небольшую новогоднюю елку, разукрашенную множеством сверкающих игрушек. Только вместо шаров, звезд и других стеклянных украшений на лекпине висели разных

размеров и форм кормушки, отцепы, глубомеры, зевники, экстракторы, ножницы… даже маленькая лопатка (вдруг придется червей накопать)…

– Ты что, сосед, так вырядился, словно одновременно на десять рыбалок собрался? – спросил Тубуз.

– А мало ли что вдруг пригодится…

* * *

Магистр ордена рыболовных монахов, профессор кафедры некрупной рыбы Женуа фон дер Пропст стремительно шел факультетским коридором, фалды парадной мантии вишневого цвета развивались сзади. Левой рукой он прижимал к груди профессорскую шапочку вишневого же цвета, в правой – держал шкатулку с экзаменационными вопросами. Кот Шермилло то семенил сзади, то вырывался вперед и, не выпуская изо рта дымящейся трубки, талдычил:

– Опоздаем, точно говорю, опоздаем. Декан узнает – неприятностей-й не оберемся. И я же во всем виноват окажусь. Позор на мою кош-шачью голову…

– Да, что ты все шипишь! Успели уже, – сказал фон дер Пропст, продираясь сквозь разношерстную толпу претендентов к массивной дубовой двери, украшенной бронзовым орнаментом в виде голов различных рыб.

Экзаменационная комната представляла собой огромное пятистенное помещение с очень высоким потолком. Вход в него был в углу, напротив была самая длинная стена, на которой висела грифельная доска, подле стоял овальный по форме мощный дубовый стол, заваленный разнообразным рыболовным снаряжением. И стол, и стоящие рядом с ним кресла с высокими спинками были украшены причудливой резьбой. Причем, у каждого кресла был свой сюжет. На спинке одного можно было различить нахлыстовика, увлеченного вываживанием крупного лосося, на спинке другого – застывшего в ожидании поклевки над колокольчиком донки рыбачка-старичка, третий сюжет радовал взгляд фигурой поплавочника, держащего в одной руке вполовину согнутую удочку, в другой – подсачек с диаметром обода очень большого размера…

Свободное от грифельной доски пространство на стене было занято портретами преподавателей факультета рыболовной магии и выдающихся студентов, этот факультет закончивших. Кстати, среди этих портретов был портрет и самого Женуа фон дер Пропста.

Стены справа и слева от входа были даже не стенами, а огромными окнами, за которыми открывались виды на пейзажи разного времени года, в каждом из них был водоем. За окном первой стены слева от двери было покрытое льдом озеро, окруженное темно-зелеными елями с белыми шапками снега на ветвях; за следующим окном можно было увидеть широченную медленно текущую реку с заманчиво виднеющимися вдали островами; справа же от двери за стеклами двух окон – изумительного вида залив водохранилища, усеянный торчащими из воды коряжками, и стремительный форелевый ручей с огромными валунами, вокруг которых бурлила бирюзового цвета вода.

Со вчерашнего вечера и до момента, пока в ней не появились Женуа фон дер Пропст и его адъютант, кот Шермилло, экзаменационная комната пустовала. Теперь же ей предстояло принять несколько десятков существ самых разнообразных видов и обличий: эльфов и гномов, лекпинов и троллей, людей и гоблинов, вампиров и прочих обитателей Среднешиманья…

– Так, котяра, принимаем мы сегодня самый примитивный экзамен. А называется он: «Материальная часть рыболовных снастей. Навыки их использования и ухода». Скучнейший, скажу я тебе, из экзаменов, – Женуа фон дер Пропст откинулся в своем самом любимом

кресле, на спинке которого было изображение спиннингиста, снимающего с крючка блесны растопырившего плавники окуня.

Женуа положил профессорскую шапочку на стол. Затем открыл шкатулку, достал из нее кипу пергаментов с экзаменационными вопросами. На обратной стороне каждого пергамента было изображение герба Факультета Рыболовной магии.

Рассыпав на столе перед собой билеты рубашкой кверху, профессор скомандовал:

– Давай первого!

Шермилло мгновенно схватил медный колокольчик на длинной ручке и энергично им потряс. Из-за двери послышалась какая-то возня, потом шум затих, но дверь так и не открылась. Кот потряс колокольчиком еще раз. Наконец, дверь приоткрылась, и в комнату бочком протиснулся гном.

– В чем дело? Вы что там, приглаш-шеньия-ия не понимаете? – спросил уперевший в бока передние лапы Шермилло. – По сто раз что-ль-ли звонить?

– Нет, господин, господин… – гном непонимающе переводил взгляд с кота на фон дер Пропста.

– Господин профессор, – рыкнул Шермилло, указывая лапой на фон дер Пропста.

– Да, господин профессор, – гном уставился на фон дер Пропста. – То есть – нет! То есть, да, все понимаем. Просто там… небольшая драка случилась. Это… все первыми хотели идти. А этот громила с клыками вообще всю дверь собой загородил. Но я-то, это, это, меня-то на этой не объедешь! Гы-гы!!! Он-то здоровый, а я тоже не рыжий! Это. Поэтому и первый прорвался!

– Представься профессору, как положено, неуч! – оскалив белоснежные клыки, сказал Шермилло.

– Так, это… Четвеерг я… Четвеерг двести второй, – промямлил смущенный гном.

– Тяни билет, отрок, – фон дер Пропст гораздо благодушней посмотрел на экзаменуемого. Вероятно, благодушным он стал потому, что Шермилло поставил перед ним на стол пивную кружку, доверху наполненную светлым факультетским пивом, и потому, что мог наслаждаться инкрустированным на этой кружке сюжетом, отождествляющим его – фон дер Пропста успех во время Первых Глобальных соревнований по спиннингу, когда он сумел поймать рекордную щуку…

Гном неуверенно начал перебирать пергаментные листы. Он морщил лоб, при этом, переминаясь с ноги на ногу, чуть ли не колдовал над билетами, и когда, казалось, терпение профессора готово было лопнуть, наконец, выбрал приглянувшийся пергамент и протянул его фен дер Пропсту.

– Прекрасно, – сказал профессор, прочитав текст. – Ваш вопрос – «Штекерное удилище». Дерзайте!

Гном, заметно побледнев, принял из рук профессора билет и пошел вглубь аудитории готовиться к ответу.

– Котяра мой, призывай следующего! – велел фон дер Пропст и сделал из кружки добрый глоток.

На этот раз после звонка колокольчика дверь открылась без промедления, но на ее пороге оказалось сразу три абитуриента. В центре стоял громила тролль, справа и слева от него – маленькие лекпины. Пропст даже поперхнулся, увидев немыслимое количество блестящих предметов на одном из них.

– Так вот почему тебя Железякой кличут, – сказал профессор, стряхивая с мантии пивные капли.

Лекпин смущенно потупился и промолчал.

– Я вновь повторяю – в чем дело? – нарушил паузу Шермилло. – Почему вас трое? Традиций-й не знаете!?

– Дык, мы везде вместе, – выдавил громадный тролль. – Можно нам и тут? – он сделал попытку улыбнуться.

– А… ладно, – кивнул профессор, – так даже быстрее будет.

Троица проследовала к столу и поочередно представилась:

– Лекпин Тубуз Моран. Успешно прошел отборы по владению спиннингом на озере Зуро. Первое место! – гордо отчеканил первый соискатель.

– Гр, тролль тут. Пуслан, первое, гр, место на мормышке отборы тут, – не менее гордо вторил великан.

– Лекпин Алеф, – сказал третий соискатель. – Четвертое место на отборочных соревнованиях по мормышке на озере Зуро. Но господин декан своим высочайшим повелением дозволил мне сдавать основные экзамены…

– Помню, помню вас, отроки, – Пропст в очередной раз отхлебнул из кружки. – Что ж, берите билеты.

Тубуз Моран, не раздумывая, схватил первый попавшийся под руку билет и протянул его профессору.

– Катушка спиннинговая обыкновенная, – сказал Пропст и отдал юноше пергамент. Тот довольно улыбнулся и отошел к правому краю стола, где лежали спиннинговые снасти.

Тролль неловко подцепил толстенным пальцем свой билет и умудрился значительно помять его, прежде чем передать профессору.

– Зимняя удочка для ловли на мормышку, – прочитал фон дер Пропст. – Везет тебе, громила.

– Гр, тролль всегда лучший!

Железяка выбирал билет менее уверенно. Вот если бы ему достался вопрос, который задали троллю… А сейчас рука его, протянутая к билетам, заметно дрожала. Но сделать выбор было необходимо.

– Спиннинг, – объявил Женуа фон дер Пропст, прочитав единственное слово на выбранном Алефом пергаменте. – Что ж, отроки, готовьтесь. И да не помогут вам в этом никакие шпаргалки, но лишь приобретенные знания и неиссякаемая любовь к рыбалке.

Пока отроки готовились, Женуа допил пиво. Теперь, расстегнув воротник мантии, он смаковал содержимое второй кружки, благодушно поглядывая на тех, чья судьба была в его руках. В душе он уважал и любил всех, кто искренне стремился приобщиться к такому великому делу, как рыбалка. Поэтому на экзаменах к абитуриентам обычно был снисходителен и старался, скорее, помочь неуверенным отрокам, чем завалить их.

– Пора первого слуш-шать, – напомнил Пропсту бдительный котяра, и когда профессор одобрительно кивнул, Шермилло провозгласил: – Четвеерг по счету номер двести два, хватит над ответом корпеть. Пора рассказать профессору, что ты знаеш-шь о такой замеччательной и уловистой снасти, как штекер.

– Давай, отрок, поведай нам все свои знания, да и продемонстрируй кое-что, – сказал фон дер Пропст, отметив при этом, что на гноме буквально лица нет.

Побледневший гном, держа в руках так и неразложенное штекерное удилище, приблизился к столу.

– Ну, штекер – это такая удочка, удилище, длинное удилище, которой… которым ловят мирную, то есть, не хищную рыбешку… Только, только… – гном замялся.

– Что, только? – спросил Пропст, сделав очередной глоток.

– Да только нашему гордому горному племени все эти штекеры ни к чему! – вдруг выпалил Четвеерг. – В наших пещерах и на пятиметровку-то не половишь! А где нашему брату четырнадцатиметровую громадину раскатать? А?! Имеются, конечно, большие пещеры, но все они под парадные залы предназначены, либо под торговые площади. А вы видели идиотов, ловящих рыбу на ярмарочной площади? Во-о-от, про что и речь!

Поэтому мы, гномы, ловить на все эти штекеры не умели, не умеем и учиться на них ловить не собираемся.

Глубоко вздохнув, гном сделал паузу и, видя, что все молчат, продолжил:

– Ну, мормышечка маленькая, ну, блесенка, ну, в крайнем случае, подземный спиннинг, которому один из ваших верхних людей наше племя обучать пытался – все это более менее приемлемо. Кстати, интересная ловля на этот подземный спиннинг оказалась. Мы ее «Новой» назвали. Но штекер – увольте. Не для нас, гномов, это!

– От, как завернул. Внуш-шает! – подлез к уху профессора Шермилло. – Что делать-то будем?

– Слушай-ка сюда, гномий отрок, – строго молвил фон дер Пропст, – ты поступаешь на факультет рыболовной магии, а не нанимаешься в подземные рудокопы! И мне, грубо говоря, чихать, где ты жил и каких размеров твои пещеры. А подземный спиннинг – это… это… – Пропст щелкнул пальцами. – Это к делу не относится, такого вопроса в билетах нет. А в факультетских правилах о поступлении в наше особенное учебное заведение четко сказано: *«И не важно, какого ты роду-племени, и не важно, где ты жил и какую рыбу прежде ловил, но знать должен все разрешенные законом снасти и доказать должен, что умеешь владеть ими или мечтаешь научиться в совершенстве владеть ими!»*

– Я на отделение зимней мормышки поступаю! – набычился Четвеерг. – Не по нраву мне эта палка-жердина…

Фон дер Пропст поморщился. На самом деле, и ему не очень-то нравились штекеры и прочие поплавочные снасти. Ему тоже очень сильно была не по душе ловля рыбы, подразумевающая применение «естественной насадки и прикормки». И даже один из девизов фон дер Пропста звучал так: «Рыбу надо не кормить, а ловить!» У профессора даже был написан объемный труд на эту тему, вот только он не нашел поддержки у большинства факультетских профессоров, не говоря уже о самом декане Факультета Рыболовной магии – Эразме Кшиштовицком…

Котяра вплотную приблизился к Пропсту, обнял его за шею и принялся нашептывать:

– Указ об отказе помниш-шь? Я об изменении в Правилах говорю. Там четко говорится: «Если кандидат имеет предубеждение к какому-либо виду снастей-й и не хочет (или не имеет права) брать их в руки по религиозной-й, али какой другой убедительной-й причине, он должен теоретически отвечать на вопросы по этой теме, но за такой ответ имеет право получить лишь минимально-необходимую отметку.

– Да помню я все, не хуже, чем ваше кошачье высочество, – профессор плавно отодвинул от себя кота и обратился к гному: – Отрок, если у тебя есть какие-либо предубеждения, то ты имеешь право поведать нам теоретический аспект вопроса. Ну, не нравится тебе штекер, так отложи его в сторону. Но рассказать о том, как на него ловят, ты обязан. Готов?

– Да, господин профессор, – голос гнома стал тверд, и Четвеерг, не мешкая, начал монотонно, пускаясь в мелкие детали, излагать теорию ловли штекерным удилищем.

Видно было, что в теории гном был подкован основательно. Он без запинки выдавал названия всех кланов, артелей и имена известных ремесленников, изготавливающих штекерные удилища. Он помнил количество колен этих удилищ, длину каждого из этих колен и длину так называемых «китов» к ним прилагающихся. Рассказал как пользоваться откатными роликами, каких оптимальных размеров должна быть платформа, на которой рыболов будет чувствовать себя, как король…

Под этот зазубренно-монотонный рассказ у фон дер Пропста даже глаза начали слипаться, а Шермилло и вовсе захрапел. Обоих экзаменующих вернул в действительность твердый голос гнома:

– Я закончил, господин профессор!

Очнувшийся Пропст взял у гнома экзаменационный лист и молча черканул отметку о минимально-успешном ответе, скрепив подпись индивидуальной магической печатью.

– Прочь с глаз моих, отрок, – молвил профессор, – первый экзамен ты не завалил. А это дорогого стоит!

В отношении последней фразы Пропст тут же засомневался, – уместно ли было ее произносить. Но, во-первых, сказанного не воротишь, а во-вторых, каждое с умыслом произнесенное слово на Факультете Рыболовной магии и впрямь стоило немало. За все эти слова приходилось отвечать, в самом прямом смысле этого слова…

Но сейчас было не время разбираться в казуистике. Главное – проэкзаменовать всех отроков, мечтающих поступить на факультет. Поэтому фон дер Пропст подставил опустевшую кружку своему адъютанту, и когда тот наполнил ее пенистым пивом, обратил взор к другим абитуриентам.

– Эй, троица, кто-нибудь из вас уже готов?

– Я готов! – подал голос Тубуз Моран.

– Вперед! – скомандовал профессор.

Тубуз, держа в руках обычную безынерционную катушку, вальяжно приблизился к овальному столу:

– Катушка спиннинговая обыкновенная – это все очень просто. Здесь даже не надо к доктору или в лавку, или даже на гномий рынок ходить. Да и вообще не надо никуда ходить! Ведь это же катушка обыкновенная, спиннинговая. Мы же с вами не ведем разговор про катушки спиннинговые необыкновенные, изобретенные нашим непревзойденным деканом Эразмом Кшиштовицким…

– Стоп! – прервал фон дер Пропст. – Если вы такой уж знаток катушек спиннинговых обыкновенных, и такой уж почитатель нашего непревзойденного декана, не могли бы вы процитировать одно из его произведений, касаемых исключительно спиннинговой катушки?

Тубуз, как говорится, «чего-то не понял». Нет, понял-то он все прекрасно, вот только мнение кого-то там, кто высказал что-то в отношении катушки, либо какой-другой снасти, у него всегда вызывало очень настороженную реакцию. Работая в рыболовной лавке, он сам привык выдавать эталоны пригодности или непригодности тех или иных снастей. Поэтому цитировать в отношении этого чье-то мнение ему было, как говорится, не в кассу…

– Я говорю об известнейшем стихотворении, которое называется «Как себе катушку выбрать…» Неужели вы его не знаете?

– Конечно, знаю, – замялся Тубуз, – слышал… но…

– А можно мне, – прозвучал вдруг тихий голос

– Какие проблемы? – фон дер Пропст посмотрел на сказавшего это Железяку. – Выручай товарища, отрок, – распорядился он.

Алеф никогда не учил стихи. Но он неплохо запоминал все прочитанное, что касалось рыбалки. А в том самом «Вестнике монахов-рыболовов» (позже кем-то украденным) как раз было стихотворение Эразма Кшиштовицкого, посвященное спиннинговой катушке, и лекпин прекрасно помнил в нем каждую строчку.

– *Как себе катушку выбрать, вы спросить меня хотите?* – начал читать стихотворение Железяка, и…

– *Я отвечу вам – все просто, только следует подумать,* – неожиданно встрял фон дер Пропст.

– *Кто соперником по ловле станет вашим,* – сказал лекпин.

– *Может, щука?* – выпалил фон дер Пропст.

– *Весом в десять килограммов!* – продолжил за него кот Шермилло.

– *Ну, тогда вам силовую нужно подобрать катушку,* – вновь сказал Алеф.

– Или же мультипликатор, – он еще в сто раз надежней! – Профессор даже привстал из-за стола, потрясая пенящейся пивом кружкой…

– Обратить вниманье нужно на подшипников наличье…

– Чем их больше, тем вам лучше: ход плавней, надежность выше…

– Ну, а если ваш соперник – окунь граммов этак в двести?

– То тогда катушку можно выбрать поминиатюрней.

– И внимательно читайте, что написано на шпуле.

– Там, как правило, все ясно – сколько метров лески входит…

– Повнимательнее будьте к фрикциону; он…

– Важнейшая деталька в этом сложном механизме!

– От его регулировки очень многое зависит…

– И подсечки, и обрывы, и вываживанье рыбы…

Тубуз и Пуслан, пораскрывав рты, переводили взгляд с фон дер Пропста на Шермиллу, с кота – на Железяку и вновь на профессора, до тех пор, пока необычное трио, словно сговорившись, в один голос не процитировало последние строчки стихотворения:

– Вес катушки выбирайте по здоровью и по силам…

Но следите за ценою, чтоб была сопоставима

С вашим разумом, с достатком

И с желанием успеха!..

– Браво! – прервал Тубуз Моран возникшую паузу.

И зааплодировал. Тролль немедленно поддержал его, оглушительно замолотив своими лапищами. Фон дер Пропст, кот и Алеф, опять же, словно сговорившись, принялись раскланиваться, и только когда дверь в аудиторию открылась, и в нее на разном расстоянии от пола заглянуло сразу несколько голов, профессор вдруг вспомнил, что он вообще-то принимает экзамены.

– Так, лекпин Алеф по прозвищу Железяка, – возвращая ему экзаменационный лист, фон дер Пропст напустил на себя строгость, – этот экзамен вы сдали на отлично.

Железяка не поверил своим ушам. Пошутил профессор или ему вновь, как и на отборах, крупно повезло? И даже когда увидел на экзаменационном листе отметку «ОТЛ.», лекпин подумал, что написаны они какими-нибудь магическими быстроисчезающими чернилами. В смятении он отошел от стола и стал ждать, когда надпись и в самом деле исчезнет.

– Ну, а мы продолжим, – сказал тем временем фон дер Пропст и обратил взор на Тубуза. – Вам слово.

– Извините, профессор, – Тубуз вдруг закашлялся, потом, облизнув губы, смущенно попросил: – А можно на донышко вашей кружечки посмотреть? – это был явный намек на глоток факультетского светлого.

– Да ты наглец, братец, – резко одернул лекпина котяра и отпустил тому ощутимую затрещину.

Тубуз даже катушку из рук выронил, но среагировал и сумел-таки ее поймать у самого пола.

– Ловко, – похвалил фон дер Пропст. – Но пивчанского вы пока еще не заслужили. Так что прошу выдать свою версию в отношении того, что вы держите в руках.

Тубуз Моран принялся деловито рассказывать о возможностях спиннинговой катушки, ее технических данных, способах использования, одновременно наглядно демонстрируя порядок ее разборки и сборки. После первой сборки, на столе осталось несколько лишних деталей, что, впрочем, не помешало катушке исправно работать. Лекпин снова разобрал ее, немного подумал и собрал, теперь уже используя все части.

Тараторил он без умолку. С описания катушки кривая занесла его на рассказы о своих рыболовных подвигах, о чудо-трофеях и досадных сходах. С каждой минутой Тубуз все

более распалялся. Он схватил первый попавшийся под руки спиннинг, прикрепил к нему катушку и стал яростно размахивать снастью, демонстрируя разнообразные способы забросов, включая сложнейший заброс, название которого было «шабаш фон дер Пропста».

Профессор, сначала обалдевше смотревший на лекпина, теперь сам выскочил из-за стола, отобрал у него спиннинг и начал демонстрировать правильный «шабаш фон дер Пропста», убеждая отрока, что тот недостаточно четко проводит заключительную стадию заброса…

Всю эту мельтешню прекратил Шермилло. Со словами: «Немедленно прекратите вакханалию», он немилосердно ткнул Тубуза лапой в бок. Тот, словно очнувшись от наваждения, замер. Немного запыхавшийся фон дер Пропст вернулся за стол, торжественно водрузил на голову профессорскую шапочку и объявил:

– Показав обширные знания и умения, вы заслужили высшей оценки на этом экзамене. Давайте зачетный лист. Надеюсь, что на остальных экзаменах вы выступите не хуже.

– Спасибо, господин профессор, – поблагодарил раскрасневшийся Тубуз. – А как насчет пивчан…

– Исчезни! – взвизгнул Шермилло и сделал вид, что готовится отвесить лекпину очередную затрещину, получить которую Тубузу совсем не улыбалось…

– А ты-то что здесь делаеш-шь? – удивленно сказал кот, обратив внимание на стоявшего в сторонке Железяку, который озабоченно скреб ногтем свой экзаменационный лист. – Свободны оба!!!

– Ну, что ж, теперь я готов выслушать нашего недавнего победителя, – профессор улыбнулся Пуслану. – Только прошу не горячиться, как только что отвечавший. А то всю залу экзаменационную на кусочки разнесешь.

– Гр, тролль всегда спокоен, – сказал Пуслан, приближаясь к столу.

Котяра с немалым удивлением стал наблюдать за действиями великана, как его, с виду, неуклюжие лапы рылись в россыпи рыболовных снастей на столе, как, наконец, он нашел среди них удочку с зимней мормышкой, и как та затерялась в тролличьей ладони. Шермилло был наслышан про удачное выступление Пуслана, – сам он пропустил отборы, поскольку слегка приболел после купания в озере Зуро холодным росистым утром. Теперь ему кое-что стало ясно. Еще несколько минут назад тролль с трудом вытаскивал экзаменационный билет, теперь же крохотная удочка вдруг повела себя в его руках, как живая. Пуслан отпускал и укорачивал леску, снимал и надевал сторожок, неуловимыми движениями привязывал к леске мормышку. Тролль почти ничего не говорил, но этого было и не надо. Достаточно было видеть…

– Что же, отрок, – сказал фон дер Пропст, глядя на Пуслана снизу вверх, – отлично! Давай свой лист.

– Гр, тролль лучший, – сверкнул клыками Пуслан.

– Ступай, – велел профессор и недвусмысленно посмотрел сначала на кота, а потом на свою опустевшую кружку…

Глава четвертая
«Две веселые русалки»

– Ну, что? Может быть по пивчанскому? – спросил Тубуз, поглядев на Железяку и Пуслана, как только троица вышла из ворот учебного корпуса Факультета Рыболовной магии, где еще оставалась большая часть отроков, пришедших на первый экзамен, и которым предстояло блеснуть своими знаниями.

– Имеем право. Следующий экзамен послезавтра, а в трактире «Две веселые русалки» такое пивчанское подают, что за пределами замка и не сыщешь, – Тубуз мечтательно закатил глаза.

– Я-то, как раз, пивка с удовольствием бы выпил, а то, чего-то в горле пересохло, пока стихи читал, – сказал Железяка. – Только я слышал, что, вроде бы, тролли…

– Гр, тролли – пиво нет! – на лице Пуслана отразилось крайнее отвращение. – Бр-р-р! Не пить эту гадость.

– Здрасте! – возмутился Тубуз. – Для вашего племени пиво, может быть, и гадость, а вот для нас…

– Так в этом трактире и для троллей какие-нибудь лакомства найдутся. Наверное, – прервал друга Алеф. – Что ты, Пуслан, больше всего любишь?

– Гр, гр. Воду минеральную. А еще лучше – просто минералы разные. Они, которые съедобные, очень вкусненькие. Я, например, больше всего, гр, кварц люблю, – Пуслан вздохнул, – кварц так приятно хрустит…

– Будет тебе кварц! – обрадовался Тубуз и решительно двинулся по направлению к так называемому Кварталу магов-рыболовов. Железяка и Пуслан, не задавая вопросов, пошли за ним.

Тубуз вел друзей, словно очень хорошо знал эти места, хотя официальное право находиться внутри университетского замка получил лишь три дня назад. Они миновали несколько переулков, застроенных ничем не примечательными невысокими одноэтажными домами, пока не остановились перед одним таким же домом с темными ставнями на окнах. На двери дома был нарисован коловорот очень старого образца, перекрещенный с рыболовной пешней, под ними незнакомыми кривыми буквами была нацарапана какая-то надпись.

– Это – наш трактир? – удивился Пуслан.

– Нет, это жилище одного моего знакомого, который знает толк в лакомствах для троллей, – Тубуз повернулся к двери спиной и начал колотить в нее ногой, при этом крича: – Вога-Йога, открывай, тетеря сонная!

Стучать и кричать пришлось довольно долго, пока за дверью не послышались шорохи, и чей-то недовольный голос спросил:

– Кого там среди ночи принесло? Это ты, Мога-Йога?

– Да нет, это я – Тубуз Моран, а со мной друзья. У нас к тебе срочное дело. Да и не ночь сейчас на дворе, а день в самом разгаре!

Дверь приоткрылась, и в щель просунулось круглое безбородое лицо гнома Воги-Йоги. Первым делом он поднял голову к небу, словно удостоверяясь, что сейчас и в самом деле не ночь, затем осмотрел гостей, зыркнул по сторонам, не заметил никакой опасности, и только тогда снял могучую цепочку с двери, но открыл ее только наполовину.

– Проходите скорее, а то мало ли кто по округе шляется.

Друзья протиснулись в маленькую сумрачную комнату, освещенную светом лишь одной свечки, стоявшей на небольшом столике-верстаке. Пуслану из-за своего роста пришлось пригибаться.

– Рассаживайтесь, кто куда хочет, – сказал Вога-Йога и, присев на маленькую скамеечку у камина, принялся подбрасывать в него дрова, чтобы вскипятить чай.

Кроме этой скамеечки и столика-верстака в гномьей каморке была кровать и три крепко сколоченных табуретки, по стенам висели полки, забитые всякой всячиной. Там где не было полок, на стенах висело несчетное количество приспособлений для рубки, колки и сверления льда. Здесь были разных размеров и форм пешни, топоры, похожие скорее на рабочий инструмент палача, и ледобуры, начиная от самых современных, до таких, которыми, наверное, пользовались еще прапрадедушки Воги-Йоги, по угрожающему виду ножей которых, казалось, что лунки во льду должны сверлиться сами собой.

Только на стене, в которой был камин, висела одна единственная позолоченная кирка.

– Вот из-за этой кирки все и произошло, – шепнул Тубуз на ухо Алефу и также шепотом стал рассказывать:

– Когда Воге-Йоге его отец, знатный рудокоп Йосифф-Йога, подарил на день совершеннолетия кирку, молодой гном, не желая вредить позолоте, решил найти традиционному гномьему инструменту замену. И посчитал, что лучшей заменой станет усовершенствованный рыболовный коловорот. Он собрал целую коллекцию самых разных коловоротов, а к кирке так ни разу не притронулся. Но все гномье племя очень консервативное, и когда Вога-Йога выступил перед своими с идеей заменить кирку на коловорот, те подняли его на смех. А отец Йосифф-Йога и вовсе обиделся и, не то чтобы проклял, а посоветовал сыночку вместо рудокопа стать рыболовом. Вот Вога на наш Факультет и перебрался. Только стать рыболовом у него тоже как-то не получилось. И все эти коловороты на стенах и пешни с топорами – так, хобби. Но ему и здесь очень неплохо живется. Тем более что его старший брат Мога-Йога тоже рудокопство забросил, и теперь трактиром заведует…

– Вот, скоро и чайничек вскипит, – сказал гном, когда под висящим на цепи чайнике заполыхал огонь. – Все чай пить будут?

– Да нет, спасибо Вога. Мы за другим пришли, – сказал Тубуз. – Лучше вот с нашим новым другом познакомься. Тролль с востока. Пуслан. Он добрый, ты не бойся…

– Чего мне в своем собственном доме бояться? – поежился Вога-Йога, исподлобья глядя на гиганта, который даже сидя на табуретке почти доставал головой до потолка. – Просто, сам знаешь, гномы и тролли – это две противоположности.

– Ерунда, – отмахнулся Тубуз. – Пуслан вместе с нами на один Факультет поступает. Кстати, на нашем Факультете и один твой сородич собирается учиться. Знаешь его, наверное – Четвеерг двести второй?

– Он из другого клана, – буркнул Вога-Йога.

– Да какая разница! Мы сегодня первый экзамен сдали и вот отметить решили. Пивчанского в трактире твоего брата попить. А другу нашему пиво, как бы это помягче сказать, ну, не очень по душе. Ему бы кварцем похрумкать. Может, дашь ему немного этого минеральчика?

В каморке воцарилась тишина, нарушаемая лишь потрескиванием горящих поленьев в камине. Вога-Йога, от которого все ждали ответа, молчал, и, казалось, обдумывал трудноразрешимую задачу. Гости смотрели на него в ожидании, что хозяин скажет хоть что-нибудь, но тот словно воды в рот набрал. И только когда Тубуз открыл рот, чтобы повторить вопрос, Вога-Йога, наконец, произнес:

– Это вообще-то наглость, или что? Где это видано, чтобы гномы троллям помогали? Я имею в виду за так, за бесплатно! И еще имею в виду…

– Гр, гр, почему – за так? – вдруг подал голос Пуслан. – Тролль что-то на обмен есть, – он полез в свою поясную сумочку. – Вот, гр, может это подойдет? – золотой самородок размером с лекпинский кулак сверкнул на ладони великана.

Лекпины удивленно уставились на золото, а Тубуз даже икнул от неожиданности. Вога-Йога вцепился взглядом в сокровище, глазки его маслянисто заблестели. Как и все гномы, он был очень даже неравнодушен к золоту. Но сейчас постарался повести себя так, словно самородок интересен ему лишь постольку поскольку.

– Дай-ка мне этот кусочек презренного металла. Я должен проверить, как он поведет себя в специально приготовленном растворе. Вдруг это всего-навсего…

– Гр, кусочек, гр, презренного металла?! Проверить!!! – Пуслан вскочил с табурета, ударился головой о потолок, сел обратно, по очереди посмотрел на сидящих справа и слева от него лекпинов и, обнажив могучие клыки, проревел:

– Этот низкорослый сомневается в честности тролля?

– Нет, нет, это он как обыкновенный торговец себя ведет. Цену хочет снизить, – попытался успокоить товарища Железяка, который, кстати, ростом был еще меньше гнома, и в других обстоятельствах на слово «низкорослый» мог бы и обидеться.

– Вот именно, вот именно, – моментально сбавил обороты Вога-Йога. – Я веду себя как торговец, а значит должен убедиться, что золото настоящее. Ведь и ты будешь проверять свой кварц. Так что…

Гном ловко выхватил самородок из лапы великана. В следующую секунду достал откуда-то из-под верстака баночку, наполненную прозрачной жидкостью, поставил ее на верстак, осторожно открыл, после чего положил рядом самородок.

– Так, подойдите-ка сюда, ко мне, – скомандовал Вога-Йога. – Вдруг на кого-нибудь из вас капелюшечка брызнет.

– Ты что, колдовать собираешься? – насторожился Тубуз, сидевший напротив гнома.

– А как же! Заклинание подъема жидкости с целью перемещения на определенный предмет. Меня ему сам Эразм Кшиштовицкий обучил. Я ведь лучший факультетский лодочник, а студиозы, как с рыбалки вернутся, так лодки у пирса и бросают. И кому же за них приходится из этих лодок воду вычерпывать, порядок наводить? Мне – Воге-Йоге. Вот тут заклинаньице это в самый раз подходит. Я с водицей обращаться умею, не то что другие гномы. Но так как сейчас перед нами не вода, а растворчик магический, поэтому всяко разно может случиться…

Не слушая дальнейших пояснений, друзья повскакивали с мест (при этом Пуслан вновь стукнулся головой о потолок) и скучились за спиной гнома. Тот устремил немигающий взгляд сначала на поблескивающий желтым самородок, затем на находящую в банке жидкость. Некоторое время ничего не происходило, потом поверхность жидкости подернулось легкой рябью, вновь стала зеркальной, а в следующий момент у всех сложилось впечатление, что жидкость в баночке кто-то начал взбалтывать. Она стала ходить кругами, все убыстряясь, пока из самого центра не отделилась капля. На глазах у изумленных гостей капля переместилась по воздуху за край банки, на секунду зависла над самородком, потом медленно на него опустилась. И, пшикнув, моментально испарилась.

– Все! – торжествующе крикнул Вога-Йога, закрыл баночку и убрал ее обратно под верстак.

– Что – все? – не понял Тубуз.

– Золото! Что и требовалось доказать. Золото, ваше золото… Этот скромный кусочек золота… настоящий!

Лекпины и тролль с облегчением вздохнули. А гном небрежно взял самородок и взвесил его на руке.

– И что же конкретно ты хочешь длинноросльй?

– Гр, тролль знает цену золота. Поэтому тролль хотеть кварц.

– Прекрасно, прекрасно, – гном сунул руку с зажатым в ней самородком в один из карманов штанов, и вынимать ее, похоже, не собирался. – И сколько же кварца ты хочешь?

– Много прекрасного кварца. Я устал грызть невкусный придорожный камень. Ты мне давать много кварца?

– О да, за тот крохотный самородочек я могу, хм, дать тебе, – Вога-Йога на секунду задумался, – могу давать три больших, нет, три большущих куска отменного кварца!

– Плут! – взревел Пуслан, схватив гнома за грудки. – Плут! Ты знать, сколько стоит этот мой золото? Он стоит три вот такой, как мой сумка кварца и еще три такой сумка кварца, и еще…

– Хватит, хватит! – захрипел гном, пытаясь отбиться левой рукой от сжимающих его лап великана, правую, однако, так и не вынимая из кармана. – Отпусти, верзила! Тут тебе не восточные предгорья. Можно и в факультетскую тюрьму угодить в два счета!

– Пуслан, оставь его, не горячись, – Железяка, подпрыгнув, повис на одной лапе тролля. Второй лекпин таким же манеров повис на другой лапе, что, впрочем, не возымело на великана никакого действия.

– Вога, прекращай торговаться! – крикнул Тубуз. – Назначай настоящую цену, а не то мы в соседний переулок пойдем!

– Хорошо, хорошо, ХОРОШО!!! – выдавил из себя гном, и когда Пуслан отпустил его, затараторил:

– Не надо никуда ходить. И незачем горячиться. Лучше, вон, чайку горяченького попейте. А цену настоящую – почему же не дать? Я всегда даю настоящую цену. Она ведь, цена-то, любая – настоящая. Ненастоящей-то цены и не бывает…

– Сколько давать мне кварца? – Пуслан вновь надвинулся на гнома.

– Ровно столько, сколько попросил большой тролль с востока! – объявил Вога-Йога. – Ровно столько и ни крупицей кварца меньше!!!

Не переставая говорить, он подошел к правой от камина стене и сунул руку в глубину одной из полок. Раздался тихий щелчок, и вся стена вдруг опустилась в образовавшуюся в полу нишу. Перед взорами удивленных друзей предстала комната, превышающая размерами гномью каморку раз в десять. Вся она была загромождена различными шкафами, тумбочками, сундуками и ящиками. Гном принялся двигать всю эту мебель, пока не вытащил на первый план средних размеров сундучок.

– Вот, – сказал он, открывая крышку и предоставляя на обозрение троллю гору разноцветных камешков. – Вот тебе и твой кварц. Этот фиолетовый – аметист, а этот черный – морион, вот цитрин, вот горный дымчатый хрусталь…

– Гр, я должен пробовать. Хвиолетовый. Я его знать. Он покрепче и привкус у него, гр, очень для меня, гр, соответственный.

– Пробуй, пробуй, – гном немного порылся и извлек из груды, наверное, самый маленький фиолетовый камешек. – Пробуй, на здоровье…

Пуслан закинул камень себе в пасть. Раздался громкий хруст, лекпинов аж передернуло. Впечатление было такое, что хрустят их собственные зубы. Великан же зажмурился от удовольствия, на лице его заиграла улыбка.

– Гр, ты теперь не плут, – сказал он, проглотив «лакомство». – Я забираю твой кварц.

– Конечно, конечно забираешь, – согласился Вога-Йога и стал наполнять кварцем троллью сумку. – Все, как договаривались. Все, как просил большой и честный тролль с востока.

Слушая его, Пуслан довольно улыбался, но выражения его лица сразу изменилось, когда Вога-Йога, закрыв наполненную до краев сумку, сказал:

– Вот это – ровно одна треть твоей доли. Ведь большой тролль с востока объявил, что хочет за свой самородок три сумки кварца. А раз тары у тролля с собой не имеется, значит, еще две таких же сумки он получит в следующий раз.

– Постой, Вога-Йога, – возмутился Железяка, – мой друг просил гораздо больше, чем три сумки. Он просил…

– Так, так, так. Сколько же он просил?

– Я просил… просил больше, – сказал Пуслан и беспомощно посмотрел на лекпинов.

– Да, он просил больше! – в один голос поддержали тролля Тубуз и Алеф.

– Больше, чем три, это, к примеру, четыре, пять или двадцать пять, – Вога-Йога напустил на себя очень важный вид. – Я же слышал лишь неоднократно повторенную фразу: «Три сумки кварца». Разве не так говорил наш длинноросл ый рыболов? Разве не так, честные лекпины?

* * *

– Вот ведь, как ловко обвели нас вокруг пальца, – не переставал сокрушаться Тубуз по дороге в трактир.

– Да… – только и вздыхал Железяка.

– Гр, гр, – время от времени подавал голос Пуслан. По сравнению с лекпинами, он, казалось, просто сражен неслыханным коварством гнома. Его даже пошатывало от такого удара, и расстроенным лекпинам приходилось в меру своих сил поддерживать товарища. Теперь посетить трактир у троицы было два повода: радостный – в связи со сдачей первого экзамена и грустный – в связи с неудачно прошедшей сделкой.

– Пуслан, – Тубуз вдруг остановился. – А сколько кусков твоего кварца заменяет кружку факультетского светлого?

– Гр? – Пуслан несколько секунд размышлял, потом показал кончик своего мизинца. – Вот такой кусок. Этот один хвакультетский светлый.

– Что? – не понял Алеф. – Ты хочешь сказать, что схрумстав у Воги-Йоги тот маленький кусочек, ты все равно что выпил не меньше трех кружек пива?

– Три и еще три, – сказал Пуслан, еле-еле удерживая равновесие.

Возникла продолжительная пауза, во время которой лекпины взирали на покачивающегося и начинающего слегка икать тролля, пытаясь вникнуть в проблему, кто кого на самом деле облапошил в каморке Воги-Йоги. Когда тролль икнул раз в двадцатый, Тубуз пришел к выводу, что Пуслан, как минимум, остался при своих.

– Что же это получается? – возмутился он, обращаясь к Железяке. – Наш крохотный друг уже напивчанился, а мы с тобой…

– Должны срочно это наверстать, – на лету подхватил мысль лекпин.

Они устремились вдоль чистой улицы, отличавшейся от той, на которой жил Вога-Йога, более богатыми строениями. Судя по гербам, вывешенным на некоторых дверях, владельцами их были преподаватели Факультета Рыболовной магии. Причем, чем дальше продвигалась троица, тем внушительнее выглядели и гербы, и сами строения. Алеф просто не мог не остановиться перед изумительной красоты зданием, похожим на костел. Внушительных размеров дверь, скорее даже ворота, украшало мозаичное полотно, изображавшее борьбу рыболова с гигантским рыбодраконом.

В рыболове без труда можно было узнать декана Факультета Эразма Кшиштовицкого. В развивающемся плаще, с мощным спиннингом в руках он парил над водой, а на другом конце снасти из бурлящей воды на две трети вырывалось невиданных размеров чудовище, которое, судя по выражению выпученных глаз, уже готово было сдаться…

И Железяка, и Пуслан вперились взглядом в красочную мозаику, в то время как Тубуз, не обративший внимания на неповторимое произведение искусства, продолжил свой путь по направлению к трактиру. Когда же двое, наконец, вышли из оцепенения, навеянного выразительностью отображенной на воротах схватки, их проводника, словно след простыл.

* * *

Тубуз Моран целеустремленно двигался к трактиру, когда дорогу ему вдруг преградила группа эльфов. В полной уверенности, что друзья следуют за ним по пятам, он оглянулся, но увидел за собой лишь пустынную улицу. Тубуз снова посмотрел на эльфов, среди которых узнал своего потенциального сокурсника Мухоола, а также господина Лукиина. Остальные трое, судя по нашивкам, тоже были студенты. Смотрели они на него очень даже недружелюбно, и пропускать, по-видимому, не собирались.

– Э-э-э-э, гм, не будут ли любезны, гм, гм, господа эльфы дать мне пройти? – промямлил лекпин.

Те продолжали молча его рассматривать, затем Мухоол что-то сказал Лукиину по эльфийски. Тот его переспросил, Мухоол отрицательно покачал головой, после чего эльфы расступились, и Тубуз, с облегчением, проследовал дальше.

Возвращаться и искать друзей, чтобы ненароком снова повстречать эльфов, ему не очень-то хотелось. Рассудив, что рано или поздно Железяка с Пусланом все равно доберутся до трактира, – языки-то у них есть – он, чуть ли не бегом, припустил к «Двум веселым русалкам».

Оправдывая свое название, на дверях факультетского трактира были нарисованы, впрочем, довольно искусно, две симпатичные улыбающиеся русалки, сидящие в большой пивной бочке и чокающиеся пенистыми пивными кружками. На бочке были написаны три больших буквы «П», а ниже – дружелюбная расшифровка аббревиатуры: «Приглашаем попить пивика».

Лекпин толкнул дверь и оказался в таком любимом ему сумраке трактира. Привычно проскользнув к барной стойке и отыскав свободное место, он устроился на высоком крутящемся стуле.

– Привет, Тубуз Моран, как дела? – спросил у него тут же оказавшийся рядом трактирщик гном Мога-Йога.

– О, приветствую! И передаю привет от твоего брательника – только что от него.

– Чего это ты у Воги забыл? – насторожился трактирщик.

– Да так, знакомил со своими друзьями. Кстати, благодаря мне, к тебе вскоре два новых клиента пожалуют. И будь уверен, они станут постоянными твоими клиентами. Они, как и я – будущие студенты. Мы, между прочим, сегодня первый экзамен сдали, с высшей оценкой.

– Значит, как я понимаю, ты отметить это дело заявился? Кружечку светлого факультетского?

– Пару! Пару кружечек, – лекпин радостно потер ладони.

– Как всегда, с орешками земляными?

– С ними! С ними, солененькими…

– А деньги у тебя сегодня есть? – вдруг отчеканил Мога-Йога.

– Мога, тот случай единичным был, – затараторил Тубуз. – Я же, ты знаешь, честный. Я же отработал все, я же все кружки тебе перемыл, дважды перемыл. А деньги у меня есть, есть деньги, – лекпин достал из кармана горсть монеток.

– Ладно, все нормально, – узрев, что клиент кредитоспособен, трактирщик моментально сменил гнев на милость, и через пару секунд перед лекпином появились две кружки такого популярного у студентов факультетского светлого и тарелочка с земляными орешками.

Тубуз вцепился в ближнюю кружку и жадно опустошил ее наполовину. Только после этого перевел дух и стал попивать пиво уже спокойно, смакуя орешки и поглядывая по сторонам.

В правом дальнем углу, где было наиболее сумрачно, и который очень напоминал пещеру, расположилась шумная компания гномов, среди которых лекпин узнал Четвеерга. Впрочем, судя по схожим фасонам одежды, в той компании Четвеергами звали всех.

Двести второй угощал соплеменников в связи со сдачей столь непростого экзамена. Гуляла компания довольно шумно, и полненькая жена Моги-Йоги гномиха Пална только успевала подносить гостям новые кружки, заменяя их на опустошенные. Тубуз успел отметить, что гномы налегали больше на темное пиво, кое-кто даже пил портер «Факультетский глубинный» – напиток довольно крепкий. Даже, несмотря на полумрак, можно было видеть, что лица у гномов чересчур раскрасневшиеся. Четвеерг двести второй, как можно было догадаться, уже раз в десятый повторял рассказ об успешной сдаче экзамена, но гномы все равно внимали ему с неподдельным интересом, то и дело одобрительно покряхтывая, а те, кто был поближе, дружески похлопывали его по спине, отчего пиво из кружки периодически выплескивалось.

По соседству с шумной компанией за столом сидела четверка незнакомых Тубузу лекпинов. Сидели они тихо, солидно потягивая пиво и изредка бросая недовольные и немного опасливые взгляды на гномов.

Слева за маленьким столиком Тубуз заприметил одинокого человека в очках со стеклами из затемненной слюды, которые закрывали чуть ли не половину лица. Под носом у человека щетинилась щеточка рыжих усов. Криво ухмыляясь неизвестно чему, человек, как и все, пил пиво. Тубуз отвернулся, чтобы поменять опустевшую кружку на полную, а когда снова кинул взгляд на человека в очках, с удивлением обнаружил того в компании двух гоблинов, подобострастно ему кивающих.

Кого всеми фибрами души не любили лекпины, так это гоблинов. «Странно, не знал, что люди с этими зелеными якшаются», – подумал Тубуз…

* * *

– Грхрм! О! Кого я видел?! Ты?! – у Железяки даже уши заложило от раздавшегося сзади громыхания. Он обернулся и увидел, что Пусланов стало двое. «Кажется, не у меня должно в глазах двоиться», – подумал он. Но, приглядевшись, разобрал, что из обнимающихся троллей, Пуслан лишь один, а другой просто очень на него похож. В следующее мгновение он узнал имя незнакомца.

– Щербень! – радостно зарычал Пуслан. – Сколько трижды веков мы не видеться?

Судя по выражению лица, вопрос этот поверг второго тролля в мучительные подсчеты. Он поднес к лицу две лапищи, в одной из которых был зажат берет рыжего цвета, и начал на второй загибать пальцы. После того, как четвертый палец был загнут наполовину, тролль сбился и начал считать по новой. Пуслан сосредоточенно следил за этой процедурой. Когда Щербень сбился в четвертый раз, Железяка не выдержал:

– Может быть, мы все-таки познакомимся? – спросил он.

– Это – э-э… мой родич, – сказал Пуслан лекпину, – он – э-э…

– Магостраж четвертого уровня Щербень, – представился тролль и нахлобучил на голову берет. – Обязан следить за порядком в факультетском городке. Так что если лекпин хулиган – я тут как тут. Проверяю пропуск, отбираю пропуск, сажаю в тюрьму…

– Лекпин Железяка – мой друг, – перебил родича Пуслан. – Мы сдали экзамен. Идем гулять в «Две веселые русалки». Хочешь кварца?

– Кварца?! У тебя есть кварц?

– Одна сумка кварца! – похвастался довольный Пуслан. – И будут еще две сумки кварца. Вот, – он достал кусок минерала, чуть-чуть от него отгрыз и отдал большую часть Щербеню.

Тот, с загоревшимися глазами, принял подарок и целиком положил его себе в рот. Потом тролли приблизились друг к другу вплотную, с громким звуком трижды стукнулись лбами и с блаженством захрустели лакомством. Железяка догадался, что, стукнувшись лбами, великаны все равно что чокнулись стаканами, и теперь Пуслан должен и вовсе захмелеть.

– Эй, хорош набираться, мы так до трактира никогда не дойдем! – запаниковал он, но тролли его не слушали.

Перейдя на свой, тролльский язык, они начали что-то друг другу втолковывать, их речь слилась непрерывным, без пауз, потоком-громыханием, и вставить хоть слово у лекпина никак не получалось.

Железяка отошел в сторонку и огляделся по сторонам, в надежде спросить у кого-нибудь из прохожих дорогу к трактиру, и увидел, что к ним приближаются несколько эльфов. Он сразу понял, эльфы не просто идут мимо, а направляются именно к нему. Впереди компании шагал угрюмый Мухоол. Алеф вдруг подумал, что предстоящий разговор не сулит ему ничего хорошего. Поэтому, когда между ним и эльфами осталось шагов десять, лекпин махнул Мухоолу рукой и, сказав: «Привет!», развернулся и торопливо засеменил к троллям, не обращая внимания на окрики за спиной с требованием остановиться.

– Эй, дылды, мы доберемся сегодня до трактира или нет? – крикнул он, вклиниваясь между троллями.

– Да, – опомнился Щербень. – Мне как раз надо проверить порядок в трактире. Мы идем добираться до трактира!

– В какой он хоть стороне находится? – спросил Железяка.

– Там, – махнул Щербень в направлении сгрудившихся эльфов.

– Ну, так веди, – сказал лекпин и, на всякий случай, занял место между троллями. Уж больно подозрительно поглядывали на него Мухоол со товарищи…

* * *

Тубуз вдруг почувствовал, что его правая нога стала мокрой. Взглянув в чем дело, он обнаружил, что от коленки и выше нога залита пивом, и причиной этого безобразия был стоявший рядом гоблин с полупустой кружкой в руках.

– Ослеп, что ли? – вскрикнул Тубуз, спрыгивая с сидения.

Гоблин отскочил на шаг назад и встряхнул кружкой, из-за чего новая порция пива выплеснулась теперь уже на живот лекпину. Но вместо того, чтобы как-нибудь извиниться, он ухмыльнулся и произнес:

– Маленький лекпин намочил штанишки.

– Ах ты, зелень болотная! – вскипел Тубуз, намереваясь схватить гоблина за грудки, но тот ловко вывернулся и отскочил. И тут же рядом с ним возник еще один гоблин.

– Маленького лекпина ищут, а когда найдут, штанишки у него будут мокрыми насквозь, – сказал первый, на что второй гадливо оскалился.

Вступать в драку даже с одним гоблином, который превосходил лекпина ростом, для Тубуза и то было бы рискованно, а с двумя тем более не дано было справиться. Но просто так сносить оскорбления он не собирался.

Тубуз протянул руку назад к пустой кружке, чтобы бросить ее в ближайшего наглеца. Но кто-то крепко схватил его за запястье. Оглянувшись, он увидел знакомого по отборочным соревнованиям судью-добровольца Воль-Дель-Мара.

– Прежде, чем ты это сделаешь, посмотри налево, – сказал тот.

Тубуз последовал совету и увидел шестерых гоблинов, оккупировавших два составленных столика и пристально наблюдающих за разворачивающимися событиями. Еще один

гоблин стоял чуть поодаль, наклонив ухо к тому самому человеку в очках. «Просто банда какая-то», – подумал лекпин, и ему стало очень досадно и тоскливо. В это время зазвенел дверной колокольчик, и на пороге трактира появился Железяка в сопровождении двух троллей.

– Эй, вы куда запропали? – крикнул сразу оживившийся Тубуз и помахал друзьям рукой.

Увидевший его Алеф махнул в ответ и повел слегка пошатывающегося Пуслана к барной стойке. Незнакомый Тубузу тролль в форме магостража остался на месте, пристально осматривая посетителей «Двух веселых русалок».

– Вот теперь мы разберемся, у кого штанишки мокрые, – сказал Тубуз Воль-Дель-Мару и повернулся к наглецам-гоблинам. Но те словно растворились, а сидевшие за столиком, сосредоточенно уткнулись в свои кружки.

– Приветствую вас, друзья мои! – улыбнулся Воль-Дель-Мар, подошедшим Железяке и Пуслану. – Решили посетить трактир, чтобы отметить успешную сдачу экзаменов?

– А ты откуда про наши экзамены знаешь? – удивился Тубуз.

– Как же можно главные факультетские новости не знать! Предлагаю, кстати, пересесть вон на те свободные места, – и Воль-Дель-Мар показал на столик, за которым минуту назад сидел человек в черных очках. – Эй, Пална, – окликнул он трактирщицу, – три пива за наш столик. Я угощаю!

Глава пятая
Один веселый Воль-Дер-Мар

– Мой дедушка, когда ему было сто девяносто девять лет, во время своей девяносто девятой свадьбы однажды сказал…

Железяка уже сбился со счета, – в который раз он слышал сегодня это, не меняющееся начало каждого из тостов, произносимых Воль-Дель-Маром. Еще не далее часа назад в трактире от посетителей буквально яблоку негде было упасть. Теперь же заведение, к большому неудовольствию его хозяина – гнома Моги-Йоги, заметно опустело.

А причиной этого, по мнению трактирщика, были тролли, которые обычно в гости к нему не жаловали. Да и что им было делать там, где не подавали специфические тролльские угощения – кремниевку и каменевку, заменявших им горячительные напитки? Нечего! Потому и обходили тролли «русалок» стороной. И вот – на тебе, пожаловали! Двое! Причем, один из них, которого звали Щербень, оказался в форме факультетского магостража и, по мнению окружающих, явно намеревался воспользоваться своим правом «привлекать к ответственности всех нарушителей общественного порядка».

Ну, а какое может быть веселье без нарушений? Вот и потянулись на выход, чтобы не быть «привлеченными», одна компания за другой: и гномы, и лекпины, и даже гоблины. Щербень же пробрался в самый темный угол и там, никому не видимый, притаился, изредка похрустывая своими ковшеподобными челюстями. Посетители трактира этот подозрительный хруст хорошо слышали, и он им очень не нравился.

Однако истинную причину зубодробительных звуков знала только наша четверка. Хрустел Щербень кварцем, которым угостил его Пуслан. Сам победитель недавних отборочных соревнований по мормышке уже «нахрустелся» и сейчас находился в полудремотном состоянии. В такое же состояние, судя по всему, вскоре должен был впасть и магостраж, – пару кусочков кварца, которые он успел употребить, были немаленькими. Посему, по сравнению с великанами, и Тубуз с Железякой, и Воль-Дель-Мар, пусть и успевшие достаточно хлебнуть пива, все же не настолько еще опьянели, чтобы задремать.

– Так вот, – продолжал тост Воль-Дель-Мар. – Мой дедушка сказал: «Когда я еще не был дедушкой, мой дедушка во время похорон своего дедушки однажды сказал…»

– Так-так-так, Воль-Дер-Мурр, – прервал тамаду, откуда ни возьмись появившийся кот Шермилло. – Все про своего дедуш-шку рассказываеш-шь? Молодежь спаиваеш-шь!

– А-а-а, меховой! – улыбнулся Воль-Дер-Мар. И вдруг вскочил, вплотную приблизился к коту, после чего они резко развернулись друг к другу спинами, слегка стукнулись лопатками, повернулись обратно. Длинный кошачий хвост ткнулся человеку в живот, Воль-Дер-Мар зажал его ладонями, Шермилло, в свою очередь, прижал его руки когтистыми лапами, после чего руки, лапы и хвост стремительно замелькали в воздухе, совершая замысловатые пассы. Лекпины недоумевающе наблюдали за необычным действом, и только когда в завершение Шермилло спокойно протянул вперед правую лапу, а Воль-Дер-Мар стиснул ее правой рукой и потряс, они догадались, что это было своеобразным приветствием.

– Никто никого не спаивает, – сказал Воль-Дер-Мар, усаживаясь на свое место. – Сам ведь знаешь: выпить пивчанского за отлично сданные экзамены – святое дело!

– Так то – за все экзамены, а эти отроки только первый сдали, – прицепился Шермилло. – Ты тоже знаеш-шь – я не против разных там отмечаний. Но представляеш-шь, что по твоей вине эти трое оставш-шиеся экзамены завалят. Не простиш-шь ты себе этого, ох, не простиш-шь…

– Успокойся, меховой, – не стал продолжать спор Воль-Дер-Мар, – мы как раз уходить собирались. А ты иди лучше, молочка попей. Эй, Мога-Йога, – счет! Я плачу за эту троицу и за полтора литра молока для этого котяры тоже.

Через минуту-другую они оказались на улице. Железяка вспомнил про оставшегося в трактире Щербеня, но слегка протрезвевший Пуслан сказал, что его родича, скорее всего, уснувшего, лучше оставить в покое.

– В таком случае я предлагаю направиться в мое скромное жилище и там продолжить, – предложил Воль-Дер-Мар.

Никто не возражал. Лекпины премного были наслышаны о своем новом знакомом. Славился Воль-Дер-Мар веселым, разудалым нравом, помыслами был чист, обаятелен, общителен и добродушен, умел ладить со многими. Кроме того, его великолепные баллады, исполняемые им на самодельном многострунном инструменте, больше всего напоминающим гусли, были известны далеко за пределами факультетского замка. В свое время Воль-Дер-Мар отучился на отделении спиннинга, да так и остался при Факультете. Никто толком не знал, чем он зарабатывает на жизнь. Однако Железяка небезосновательно считал, что подружиться с этим человеком было бы не только здорово, но еще и очень полезно. Воль-Дер-Мар был просто кладезем разнообразной информации, знал все новости и сплетни, а Алефа интересовало буквально все, связанное с Факультетом.

– Воль, а ты не мог бы нам про себя рассказать? Откуда ты родом, как на Факультет поступил и вообще… – попросил лекпин.

– О-о-о, друзья мои, это очень интересная и удивительная история, – улыбнулся Воль-Дер-Мар. – Вообще-то рассказывать ее надо в подробностях и не на ходу, а, к примеру, поедая ароматную ушицу на речном бережку. И когда-нибудь я поведаю ее вам во всех деталях. Ну а пока мы дойдем до моего скромного домишки – расскажу в двух словах.

Родился я в далеком отсюда маленьком и очень уютном городке с названием Мар. Вокруг леса, рядом река, а воздух – сами понимаете какой! Хорошо! Только вот нечисти всякой в округе многовато было. Но это так, ерунда… А славился наш городок ткачеством. И ковры там ткали, и веревки плели, и все такое, а Лига, к которой я с рождения принадлежал, вышивала гобелены из восточных нитей да северных паутин. Был я сначала подмастерьем, потом до мастера дорос, и работа мне очень нравилась, но… Постоянно томила меня тяга к рыбалке. Как улучу свободный момент, так на Щуку иду. Так наша речка называется. Она у нас славная – широкая, да глубокая, и рыбы разной в ней водится много.

Ловил я в той речке рыбку. А все, что было с рыбалкой связано, всю красоту и величие природы, всю неповторимость каждой поклевочки, каждого мига удачи, каждой рыбки пойманной на свои гобелены переносил. Стали те гобелены у купцов очень большим спросом пользоваться, в другие страны продаваться. Разбогател я даже, хотя мог бы и дворянский титул купить, гобелены вышивая, если бы рыбалке так много времени не уделял. Но без рыбалки я жить не мог…

И вот однажды, после того, как поймал свою очередную рекордную рыбину, приснился мне ночью сон. Вроде как иду я на рыбалку, а навстречу человек, одетый в четырехцветную мантию. С черной шевелюрой и черными глазами, да такими колючими, прямо насквозь меня буравящими. И говорит он мне: ступай, мол, на юго-запад, там твое предназначение и счастье твое, мол, тоже там…

– И что? – не удержался Железяка.

– Да ничего. Проснулся я. Но на следующую ночь сон этот один к одному повторился. И повторялся так каждую ночь в течение трех месяцев. А весна пришла, забросил я ремесло, закрыл мастерскую, да и рванул на юго-запад. Путь свой не помню. Но нечисть меня не тронула, словно что-то отгоняло ее от меня. Шел, как в народе говорится, куда глаза глядят. И

пришел сюда, к стенам факультетского замка. И первым человеком, кого я здесь повстречал, был тот самый, из моих снов. Знаете, кто это был?

– Кто? – одновременно спросили Алеф и Тубуз.

– Декан наш, Эразм Кшиштовицкий собственной персоной! И знаете, что он сказал?

– Что? – этот вопрос задали уже трое – к лекпинам присоединился почти окончательно протрезвевший Пуслан.

– Долго ты шел, – сказал мне Эразм, – но знал я, что обязательно дойдешь. Ибо в книге рыболовных таинств о тебе сказано: *«…и придет он с северо-востока, и принесет тканей чудесных с рыболовными узорами, и поступит на Факультет Рыболовной магии, и будет ловить рыбу и изучать магию, и Прорыв без него не остановить…»*

– Прорыв? – Удивился Пуслан. – В наших легендах есть про Прорыв. Гр. Это когда нечисть влезть в наш мир? Я думал, гр, это враки.

– Я тоже, – сказал Тубуз, – я тоже думал, что это бабкины сказки…

– Нет, друзья мои, это не сказки. Не все, что в легендах говорится, правда, а кое-что в них и не сказано вовсе. Но Прорыв – штука страшная и подробности про это вам знать пока не положено. В свое время все узнаете… Если, конечно, на Факультет поступите.

Они остановились на углу невысокой узорчатой ограды, где была калитка, оказавшаяся незапертой.

– Вот здесь и находится мое скромное жилище, – Воль-Дер-Мар толкнул калитку и пропустил друзей вперед.

Дома видно не было, он утопал в гуще фруктовых деревьев. Сливы соседствовали с грушами, яблони особенных северных сортов росли рядом с абрикосовыми и персиковыми деревьями, были среди них и такие деревья, названия которых знал только хозяин этого сада.

Идя мимо них, мимо этих аппетитно свисающих красных персиков и прозрачно-наливных яблок, лекпины еле сдерживались, чтобы не подпрыгнуть и не сорвать вкуснотищу. Они не делали это только из уважения к хозяину. Воль-Дель-Мар же, словно не замечая наворачивающиеся у гостей слюнки, вел их по утоптанной песчаной тропинке.

Внимание Железяки привлекло очень необычное дерево: листьев на нем не было, вместо них на сучьях торчали короткие толстенькие отростки с утолщениями на концах. На некоторых сучьях часть отростков была аккуратно срезана.

– Воль, как это называется? – не удержался от вопроса Алеф.

– Воблерное дерево, – пояснил тот. – Таких во всей округе только три. Два в саду у Кшиштовицкого и вот это. Лучшие в Среднешиманье плавающие воблеры получаются именно из него. Но срезать заготовки можно только в определенные дни и в определенные часы. В свое время, если поступите и доучитесь до четвертого курса, вы об этом узнаете. Кстати, дерево охраняется…

Воль-Дель-Мар указал на землю. Его гости посмотрели вниз и увидели глядящую на них из травы средних размеров болотную черепаху. Шея черепахи была до предела вытянута, рот приоткрыт. Выражение ее морды было такое, что Железяке показалось, будто черепаха вот-вот зарычит, а если возникнет необходимость, то готова и прыгнуть, укусить, или, или…

– Это Манюанна Пятая, – сказал Воль-Дель-Мар, – Еще где-то шастают Манюанны Вторая, Четвертая и Девятнадцатая.

Однажды, когда я учился на первом курсе, решил поспиннинговать на одном сильно заросшем водоемчике – Восьмигранной старице. Из-за травы блесну там провести практически невозможно, но я все-таки пытался и случайно зацепил за хвост мамашу этих черепашек – Манюаннищу. Она очень испугалась, переживая, что пойдет на черепаховый суп, но я всегда считал, что употреблять в пищу этих замечательных созданий – кощунство. Манюаннища была отпущена восвояси, а в благодарность, когда у меня появился этот дом и сад,

она решила выделить в стражи своих дочурок. Они мне очень преданны, даже преданнее и исполнительнее морских щенков. Хотя, конечно, благодаря своей внешности, порой, вводят злоумышленников в заблуждение. Мол, что эти неповоротливые черепашки сделать могут. Но как же злоумышленники потом в своем заблуждении раскаиваются!

– Ты хочешь сказать, – решил уточнить Тубуз, – что если кто-то без твоего спроса решит с этого дерева веточку для воблера срезать…

– То моментально останется, как минимум, без одного пальца на ноге, – сказал Воль-Дер-Мар. – Воровать нехорошо, и наказание за воровство должно быть жестоким.

– Так значит, если бы я пару минут назад без спроса сорвал с твоего дерева абрикосик, то был бы сейчас калекой? – возмутился Тубуз.

– Без спроса, гр, нельзя! – сказал тролль.

– Согласен с Пусланом на все сто, – кивнул Воль-Дель-Мар. – Но не переживай, друг мой. Ведь вы гости, а фрукты и любые угощения в этом саду и в доме можете употреблять, меня не спрашивая. Вот только трогать воблерное дерево – ни-ни! И не потому, что веточку жалко, но если не вовремя срезы делать, дерево погибнуть может. Это, кстати, и тройникового дерева касается.

– А это что такое? – удивился Железяка.

– Сейчас скажет, что на нем крючки растут, – усмехнулся Тубуз.

– К сожалению, очень медленно растут, – не обратил внимания на иронию Воль-Дер-Мар. – Урожай один раз в несколько зим бывает. Но зато тройнички на нем – иголки тоньше. И главное – заточки не требуют!

Через несколько шагов они увидели тройниковое дерево, у которого словно из-под земли выросла и встала в «стойку» еще одна Манюанна. Приближаться к дереву сразу отпало всякое желание и пришлось рассматривать его метров с двух. Оно было усыпано коричневатыми листьями, а на концах некоторых веточек, приглядевшись, можно было различить малюсенькие крючки-тройнички.

– И когда же, э-э, урожай созреет? – спросил Алеф.

– Да к вашим выпускным экзаменам в аккурат и опадут тройнички, – сказал Воль-Дер-Мар. – А прежде, пока они на ветках, срывать их нет смысла. Даже опасно. У них, как бы, существует инстинкт впивания. Другими словами, если ты тройник рвешь, он тебе в отместку крючками в пальцы впивается, и что самое неприятное – обязательно всеми тремя крючками в три пальца. И хорошо еще, если только на одной руке…

– Опасное деревце, – прокомментировал Тубуз.

– Ничего опасного, если его не трогать.

Наконец, они очутились перед домом, дверь в который тоже оказалась незапертой, однако, прежде чем переступить порог, Железяка успел заметить морду еще одной Манюанны, высунувшуюся из-за растущих рядом с крыльцом лопухов.

Первое что бросалось в глаза в парадной комнате, был герб Факультета Рыболовной магии, вышитый на большом гобелене, который занимал всю противоположную входу стену. На других стенах, также обитых гобеленами, на разноцветных лентах висело множество медалей и почетных свитков в изящных рамках из красного дерева. Был в комнате и традиционный для домов факультетского городка камин, на полке которого теснились призовые пивные кружки и кубки, деревянные, бронзовые и даже золотые статуэтки рыб, причем, исключительно хищных. Большие окна обрамляли шикарные занавески из настоящего восточного шелка, на подоконниках стояли цветочные горшки с невиданными растениями. На полу лежали звериные шкуры. Стульев или табуреток не было, вместо них по комнате были разбросаны толстые подушечки. Справа от камина находился столик, заставленный разнокалиберными бутылками, рюмками, бокалами, фужерами и кружками, слева на специ-

альной подставке соседствовали два пивных бочонка внушительных размеров, с деревянными краниками.

– Располагайтесь, друзья мои, – радушно предложил Воль-Дер-Мар, – и чувствуйте себя, как дома у старого надежного друга.

Подойдя к камину, он сделал несколько пассов, что-то пробормотал, и дрова в камине зашипели и вспыхнули. Прежде чем устроиться напротив огня, Железяка подошел к окну, где на широком подоконнике под хрустальным колпаком рос очень красивый, в виде двойной спирали белоснежный цветок. Из любопытства лекпин приподнял колпак и склонился над цветком, но моментально от него отстранился из-за ударившего в нос запаха… рыбьей крови.

– Этот очень редкий цветочек называется «Судачья страсть», – сказал скривившемуся лекпину Воль-Дер-Мар. – Имеет очень неплохой эффект для привлечения мохнорылого судака, если в ночь перед рыбалкой в специально приготовленный настой из одного лепестка положить поролоновую рыбку. Но потом эту рыбку можно брать только в специальных перчатках, чтобы запах крови не перебил посторонние запахи.

Лекпины и Воль-Дер-Мар уселись на подушечки напротив камина. Пуслан, который предпочитал держаться от огня подальше, расположился под гобеленом с гербом Факультета и сразу запустил руку в сумку с кварцем.

– А может тебе придется больше по вкусу каменная восточная настойка? – спросил у тролля хозяин дома.

– Гр, гр, у тебя есть каменка? – удивился Пуслан. – Да я, гр, очень ее. Я могу дать за нее, – он вновь полез в сумку.

– Не надо ничего давать, – остановил его Воль-Дер-Мар. – Я угощаю от чистого сердца.

Он порылся среди бутылок на столике и достал бесформенную, совершенно непрозрачную посудину, у которой кто-то, кажется, отгрыз горлышко.

– Я пробовал этот… каменный напиток, но вкуса как-то не уловил. Но ощущения своеобразные. Держи.

Пуслан ловко поймал посудину и аккуратно откусил от нее маленький кусочек. Его тут же два раза передернуло, тролль смачно крякнул и расплылся в улыбке.

– Ну а вы, друзья мои, наливайте себе кто чего желает, – сказал Воль-Дер-Мар.

Тубуз взял со стола высокую пивную кружку, на которой была нарисована раскрытая щучья пасть, пробитая сверху тройником маленькой вертящейся блесны, и подобрался к пивным бочонкам. На секунду замешкавшись, он подставил кружку под кран правого бочонка и открыл его.

– Угадал. Светлое факультетское, – удовлетворенно сказал Тубуз. Темное пиво он тоже любил, но оно действовало на лекпина слишком опьяняюще, и после пары кружек с ним, как правило, случались разные неприятности. В последний раз он пил темное во время отборочных соревнований Железяки, и это закончилось тем, что Тубуз заступил за границу зоны, и нарушителя укусил за ногу магический рак…

– Конечно, светлое, – Воль-Дель-Мар улыбнулся в свои пышные усы. – Если бы ты пожелал темного или светлого другого сорта, то потекло бы именно оно.

– Как это?

– Магия. Внутри эти бочонки разделены на отсеки, заполненные разными сортами пива. Каждый отсек заряжен на исходящее желание от того, кто берется рукой за краник, и моментально оказывается напротив этого краника. Все достаточно просто.

– Здорово! – Тубуз пригубил из кружки. – Холодненькое. Я думал – будет теплым, ведь рядом с камином стоит.

– Я же тебе говорю – магия. Бытовая магия третьей степени.

Железяка пожелал себе портера, и темное карамельное пиво сильной струей ударило в донышко кружки. На ней, помимо рисунка вылетающей из воды никогда не виданной им рыбы была выгравирована надпись: «Участнику Кубка по ловле на спиннинг магической форели. 9-е место».

Заметив, что лекпин прочитал надпись, Воль-Дер-Мар сказал:

– Эту кружечку я привез со своего первого и самого неудачного выступления на Кубке. Потом ни разу ниже пятого места не опускался.

– Везет тебе, – сказал Тубуз. – Но ничего, мы тоже кое-что завоюем!

– Согласен целиком и полностью, – улыбнулся Воль-Дер-Мар. – И за ваши будущие успехи я предлагаю поднять тост.

Он взял прозрачный бокал и наполнил его розоватым вином из бутылки синего стекла.

– Мой дедушка, когда ему было сто девяносто девять лет, во время своей девяносто девятой свадьбы однажды сказал: «Много лет прожил я на этом свете, многое видел, многое испытал. И всегда я жил одним очень важным вопросом – что же будет дальше, что ожидает меня в будущем? Возможно, именно это любопытство и стало причиной моего долголетия». Итак, за наше любопытство и за будущее!

Чтобы чокнуться, Пуслан покинул свое место. Кружки, бокал и бесформенная посудина сдвинулись, лекпины и человек выпили, тролль откусил кусочек и вернулся к гобелену с гербом.

– Вы мне, друзья, сразу приглянулись, – сказал Воль-Дер-Мар, вытирая ладонью усы. – Есть во всех вас что-то такое стоящее. Дух, что ли, в вас правильный. У меня ведь на существа с гнильцой особый нюх имеется. За три версты бестию чую. Еще, конечно, парочку-другую заклинаний применишь, и все как на ладошке видно.

– Гр, – подал голос Пуслан, – мы – тролли, разные бываем, гр, гр. Есть такие, какие могут и гномом закусить и даже, гр, человеком. Но наши, восточные, давно не так. Вот! Гр!

– А мы-то – простые лекпины, – сказал Железяка, переглянувшись с Тубузом. – Что в нас такого особенного?

– Об этом ни вы, ни я, ни кто другой пока не знает, – сказал Воль-Дер-Мар. – Но когда-нибудь все обо всем узнают. А сейчас давайте-ка, обновим наши кружечки, и я вам что-нибудь расскажу.

– А ты можешь про Факультет наш рассказать? И про герб факультетский? – спросил Алеф, подставляя кружку под бочонок.

– Конечно! Вот смотрите, – Воль-Дер-Мар показал на гобелен, под которым возлежал Пуслан. – Был этот герб создан в день образования Факультета Рыболовной магии, и все в нем имеет свое назначение.

Щит герба эльфийского фасона с двух сторон держат в лапах два морских пса лазурного цвета. Морские псы, на самом деле, существа очень загадочные, водятся они не только в морях и океанах, но и прекрасно себя чувствуют в пресной воде. Кстати, очень славные звери, а морские щенки такие забавные. Некоторые маги даже умудряются приучать их.

Поле щита разбито на четыре части. По количеству главенствующих отделений факультета. Верхнее правое поле, что вишневого цвета, означает мой любимый спиннинг, нижнее красное – цвет отделения нахлыста, нижнее зеленое – отделение зимней рыбалки, верхнее темно-красное – отделение поплавочной удочки. В центре герба – серебряный рыбодракон с растопыренным спинным плавником – как самая ценная, редкая и почетная добыча рыболовного мага. Не многие из известных мне уважаемых профессоров могут похвастать таким трофеем…

– Я сегодня видел картину, на которой Эразм Кшиштовицкий как раз тащит на спиннинг огромного рыбодракона, – сказал Железяка.

– Ха! На самом деле это, мягко говоря, художественный вымысел. Насколько я знаю, наш декан лавливал в своей жизни рыбодраконов, но только не такой рекордной величины, – Воль-Дер-Мар вновь наполнил свой бокал и продолжил: – Вы, наверняка, встречали в журналах гравюры, где рыболов держит на вытянутых руках пойманную рыбу, и только один ее глаз, кажется больше головы самого рыболова. Можно себе представить, сколько такая рыбка должна весить, и каким надо быть силачом, чтобы ее на вытянутых руках держать! Обычный эффект «вытянутых рук»!

– Значит, Кшиштовицкий…

– Скажу вам, друзья мои, по секрету – наш декан любит слегка преувеличить свои рыбацкие подвиги. Впрочем, как и большинство рыболовов.

Неожиданно в дверь громко постучали, отчего гости вздрогнули, а Воль-Дер-Мар спокойно обернулся и, повысив голос, спросил:

– Кому угодно беспокоить меня?

– Благородный эльф Лукиин и его товарищи пришли к Воль-Дер-Мару, зная, что у него в гостях присутствуют интересующий нас лекпин. Дело не терпит отлагательства.

Железяка и Тубуз, обеспокоено переглянувшись, вскочили на ноги. Слегка осоловевший Пуслан приподнялся на локте и нахмурился. Воль-Дер-Мар же лишь подмигнул им и сделал жест рукой, что все в порядке.

– Заходите, благородные эльфы и расскажите мне и моим друзьям о своем неотложном деле.

Дверь открылась, в комнату один за другим вошли семь или восемь эльфов. Они остановились посередине комнаты, образовав полукруг, в центре которого был самый старший из них – Лукиин. Лица эльфов были хмурыми, лицо Воль-Дер-Мара же, вставшего напротив их, наоборот, расплывалось в улыбке. Лукиин выдержал небольшую паузу и, обежав взглядом комнату, увидел, что кроме хозяина, лекпинов и возвышавшегося за их спинами тролля, в ней больше никого нет, сказал:

– Благородным эльфам необходимо урегулировать важнейшую проблему, которая возникла по вине одного из представителей нашего народа. Вина его тяжела, и снять эту тяжесть может лишь пострадавший, – Лукиин сделал паузу. Видно было, что речь дается ему непросто. Гордо вскинув голову, он продолжил: – Благородные эльфы очень надеются, что пострадавший проявит благородство и забудет нанесенное ему оскорбление. К сожалению, я лишь сегодня узнал о случившемся. Но мы знаем, что это щекотливое дело до сих пор не предано широкой огласке…

– В первую очередь, почтенный Лукиин, – прервал его Воль-Дер-Мар, – хотелось знать, о каком щекотливом деле идет речь?

– Вот, он все вам расскажет, – эльф вытолкнул впереди себя потупившегося Мухоола.

– Я, ну, виноват, – еле слышно заговорил тот. – Меня… бес морской попутал… Я, ну, на отборах у Железяки рыбу утянул. Я никогда больше не стану… Прошу простить, вот!

Мухоол поднял голову и посмотрел в глаза Алефа. Лекпин вдруг ужасно покраснел, словно он сам совершил неблаговидный поступок и теперь при всех приносил извинения. Он сделал три шага вперед и молча протянул эльфу руку. Мухоол пожал ее, скупо улыбнувшись.

– Что ж, инцидент исчерпан? – спросил Воль-Дер-Мар. – Ведь, насколько я понимаю, о нем никто, кроме непосредственных участников и не знал? – он посмотрел на Железяку.

– Да, я никому не говорил…

– Вот и замечательно! – воскликнул Воль-Дер-Мар.

– Лично я, – вновь взял голос Лукиин, – еще раз приношу глубокие извинения перед лекпином Железякой и выражаю надежду, что случившееся не станет препятствием для хороших взаимоотношений между вами и нашей многочисленной диаспорой!

Лукиин церемонно поклонился и отступил на два шага. Остальные эльфы тоже поклонились, и в ответ отвесили поклоны Воль-Дер-Мар, Железяка, Тубуз и, глядя на них, поднявшийся на ноги Пуслан. Затем вперед вышел худой голубоглазый эльф в вишневом плаще и, одарив всех улыбкой, сказал, обращаясь к Алефу:

– Эльфы благодарят молодого лекпина Железяку за проявленное им благородство и просят принять в дар этот инструмент, который бывает так необходим во многих рыболовных делах.

Он протянул на ладони предмет сантиметров десять в длину и сантиметра три в диаметре, с виду напоминавший обычный толстенький сучок, долгое время пролежавший в воде. Алеф хотел его взять, но тут эльф слегка зажал сучок, и из него вдруг выдвинулось тонкое стальное лезвие. Еще одно нажатие, и вместо лезвия появился длинный пинцет, еще одно – миниатюрные ножницы…

– Это называется Изымс, – сказал эльф, передавая инструмент лекпину. – В нем набор эльфийских инструментов на все случаи жизни. Береги.

– Спасибо, – только и сказал Железяка.

– Что ж, друзья, – вновь взял слово хозяин дома, – щекотливого дела больше нет, все улажено, поэтому предлагаю отметить это событие глотком славного вина!

Все подошли к заставленному бутылками столику; рюмки, бокалы и фужеры наполнились разноцветными напитками, все выпили, а Пуслан откусил очередной кусочек от своей кремниевой посудины…

* * *

– Дорогой Малач, ты вручил Железяке Изымс?

Прежде чем задать этот вопрос, Воль-Дер-Мар проводил голубоглазого эльфа в свой кабинет и плотно прикрыл дверь.

– И скажи, к чему вся эта пафосность? Взаимоотношения! Многочисленная диаспора… Ведь атмосфера итак напряжена дальше некуда! А если бы Железяка вдруг оказался совсем не таким простым парнем, а затаил бы на вашего Мухоола обиду и, вместо того, чтобы помириться, плюнул бы ему в физиономию?

– Как много вопросов сразу, дорогой Воль! – эльф сделал глоток пенящегося оранжевого вина и поставил высокий прозрачный фужер на самый край стола, так что сдвинься он еще на миллиметр и полетел бы на пол. Потом посмотрел на часы, висящие на стене между двумя барометрами. Часы представляли собой широко открытую, ощетинившуюся острыми зубами и клыками рыбью пасть. Минутная стрелка отсутствовала, вместо этого через каждые шестьдесят секунд в пасти подсвечивался фосфорным цветом соответствующий зуб или клык. Часовой стрелкой служил вращающийся по «циферблату» удлиненный острый рыбий язык. Сейчас, судя по расположению языка и подсвеченному зубу, была где-то половина девятого вечера.

– Попробую ответить, но не по порядку. В отношении пафосности – ты же знаешь нашего Лукиина, его церемониальность и прочее…

Воль-Дер-Мар согласно покачал головой.

– Ну, а твой новый друг Железяка, к счастью, оказался не болтливым – чему есть веские подтверждения, и, надеюсь, не злопамятным. Хотя, последнее качество, на мой взгляд, не из самых лучших. Кто забывает обиды – рискует второй раз наступить на одни и те же грабли. По поводу же Изымса, ты знаешь, эльфы редко раздаривают свои инструменты. Но здесь особый случай. Ведь, как ты сам только что сказал, атмосфера напряжена достаточно сильно. Неудачная попытка Прорыва, думаю, оказалась таковой лишь потому, что это был разведочный шаг. Нам грозит гораздо большее зло.

– Да, знаю я, знаю, – сказал Воль-Дер-Мар, глядя на фужер, вот-вот готовый упасть со стола.

– И это зло, к сожалению, творим мы сами… – Малач посмотрел в глаза Воль-Дер-Мару, ожидая вопроса, который тот не замедлил задать.

– Что ты имеешь в виду?

– Помнишь, как горячо ты отстаивал идею увеличить тираж «Факультетского вестника», чтобы распространять его за стенами замка и вообще по всему Среднешиманью?

– Совет ордена монахов-рыболовов эту идею поддержал…

– Да, поддержал. И главный редактор вестника, мой соплеменник Алимк, не замедлил этим воспользоваться, потребовал увеличить финансирование, чтобы расширить штат.

– Я в курсе…

– Да, да! Обычно ты бываешь в курсе всего, что творится вокруг! – не сдержавшись, эльф повысил голос. – Только ты, скорее всего, не в курсе, что себе в заместители Алимк взял небезызвестного тебе господина Репфа! И ты еще не видел передовую статью обновленного «Факультетского вестника» этим господином Репфом сочиненную! А нашим хитровыделанным Алимком напечатанную!!!

Малач распахнул свой плащ и выхватил из бокового кармана сложенный вдвое газетный листок:

– Полюбуйся, а я послушаю, что ты на это скажешь? – он передал листок Воль-Дер-Мару, не глядя, подхватил со стола фужер, присел на место, где тот стоял, и сделал пару глотков.

Воль-Дер-Мар развернул газету и нахмурился впервые за весь день. На первой странице «Факультетского вестника» огромными буквами было набрано название передовой статьи: «СУДЕЙСКАЯ БЕСПРИНЦИПНОСТЬ ИЛИ НЕСЛЫХАННАЯ ВСЕДОЗВОЛЕННОСТЬ?» Фамилия автора была набрана еще более крупными и жирными буквами: РЕПФ.

– Этот самый Репф, насколько я помню, раньше писал совершенно нелепые статейки, в которых не было ничего, кроме превознесения собственного «я»! – Возмутился Воль-Дер-Мар. – И Алимк додумался взять в штат это ничтожество?

– Ты прочти, прочти, – усмехнулся Малач, потягивая винцо.

Прежде, чем приняться за чтение, Воль-Дер-Мар подошел к висящей на стене картине, изображавшей вид широкой реки, дотронулся до нижнего края рамы, картина плавно отъехала в сторону, открыв заинтересованному взгляду эльфа миниатюрный бар, заставленный батареей совершенно одинаковых пузатых бутылочек без обычных цветастых наклеек. Воль-Дер-Мар выхватил две, стоявших с краю. Оставшиеся в баре бутылки сами собой передвинулись, и у Малача создалось впечатление, что их количество не уменьшилось. В следующую секунду он поймал, брошенную ему бутылку и ногтем большого пальца поддел пробку, без каких-либо надписей и рисунков. В горлышке запузырилась пена точно такого же вина, которое оставалось на донышке его фужера.

В бутылке Воль-Дер-Мара оказалось такое же вино, которое он пил в гостиной. Сделав добрый глоток, он принялся за чтение:

«Очередной этап отборочных соревнований, прошедших на озере Зуро 15 июня в районе пристани замка Факультета Рыболовной магии, заставил множество собравшихся болельщиков и зрителей-обывателей глубоко усомниться в компетентности судейской бригады, которую, как это ни прискорбно говорить, возглавлял сам декан Факультета Рыболовной магии Эразм Кшиштовицкий! Но обо всем по порядку.

Кто такие «добровольцы»?

Вопрос этот очень актуален. Все прекрасно осведомлены, что наши факультетские руководители до сих пор не удосужились создать полнокровный компетентный судейский корпус. Мотивация этого абсурдна! По мнению наших руководителей, от которых зависит

судьба стремящихся поступить на Факультет Рыболовной магии, главное в рыболовном спорте – честность. Надо же – нашли «честных»! Это среди поступающих-то!!!

Но если уж руководители давят на честность, то для чего тогда призывать себе в помощь так называемых «добровольцев»? Кто они такие эти добровольцы, и какую цель преследуют?

Взять, к примеру, одного из судивших на отборах добровольцев – г-на Воль-Дер-Мара. Непонятно на какие доходы существующего, но зато прославившегося, как не просыхающий обожатель спиртных напитков и злоумышленный организатор в своем жилище непристойных посиделок, где спаиваются молодые студиозы…»

Покрасневший Воль-Дер-Мар прервал чтение и ошеломленно посмотрел на сидевшего на столе потягивавшего вино эльфа:

– Дорогой Малач, неужели я… неужели прославился, как не просыхающий…

– Ты дальше, дальше читай, – усмехнулся эльф.

«…Однако, несмотря на свою компрометирующую Факультет репутацию, г-н Воль-Дер-Мар был допущен до судейства. И каким же оно оказалось? На этот животрепещущий вопрос пытливый читатель узнает из следующей главы моей аналитической статьи.

Куда они смотрят???

Действительно, куда они смотрели, эти судьи-добровольцы? Наверное, в свои кошельки, чтобы подсчитать гонорары, причитающиеся за так называемую работу. Во всяком случае, они никак не обратили внимание на вопиющий факт – запрещенное во время отборочных соревнований колдовство! Эту работу – работу надзирателя за них выполнил лекпин со смешным прозвищем Железяка. Именно он, вместо того, чтобы ловить рыбу, внимательно выслеживал злостных нарушителей правил и выследил-таки! Непонятно по какому принципу допущенная на отборочные соревнования ведьма Зуйка, согласно всему своему существу, конечно же, воспользовалась колдовством, чтобы поймать рыбу. Но бдительный лекпин Железяка своевременно доложил об этом ротозеям-судьям, и те были вынуждены снять нарушительницу с соревнований…»

– По словам этого Репфа получается, что наш честный лекпин оказался злонамеренным стукачом! – возмутился Воль-Дер-Мар.

– Это еще ягодки… – Малач невозмутимо сделал глоток, а Воль-Дер-Мар, который был уже не красный, а сильно побледневший, продолжил чтение.

«…А теперь хотелось бы спросить судей:

Что они себе позволяют?!!!

Вот вопрос из вопросов! Но самый последний вопрос, уже не касаемый соревнований, я задам в самом конце моей статьи…

Что же касается соревнований, вернее, подведения логических итогов – вот где мы столкнулись с неслыханной судейской беспринципностью! Вопиющей беспринципностью! А заключалась она в следующем. Когда были подведены итоги и оглашены имена трех победителей отборочных соревнований, главный судья Эразм Кшиштовицкий вместе со своим помощником и (не хочу никого обижать) другом – главным секретарем соревнований Женуа фон дер Пропстом – неожиданно приняли решение «отблагодарить» того самого бдительного лекпина Железяку и явили изумленным зрителям версию о якобы забытой при сдаче на взвешивание упомянутым лекпином рыбине – довольно внушительных размеров плотвице! В итоге, этот самый проигравший отборы Железяка, как ни в чем не бывало, оказался допущенным к экзаменам! Случай неслыханный во всей истории Факультета!!!

Более того, буквально во время верстки этого номера вестника, в редакцию пришло сообщение, которое, уверен, повергнет наших читателей в настоящий шок. Та самая грубейшая нарушительница правил соревнований, ведьма Зуйка приказом декана Факультета

Рыболовной магии с сегодняшнего дня назначена помощником директора факультетской библиотеки!

Что ж, как говорится: хозяин – барин. Но, пытливый читатель, ты только вдумайся в происходящее! Это же неслыханно!!!»

– Как же можно до такой степени все с ног на голову перевернуть?! – вознегодовал Воль-Дер-Мар, комкая газету и бросая ее на пол. – Ну, ладно, этот… гадость написал, но Алимк-то! Как у Алимка хватило тупости это опубликовать?

– Тупости? – изумился эльф. – Ошибаешься, дорогой Воль. Публикуя этот вздор Алимк, возможно, поступил далеко не объективно, но только не тупо. Наоборот, с точки зрения главного редактора это очень расчетливый поступок. Могу с тобой даже поспорить, что со следующего номера количество читателей вестника заметно возрастет. Если же у этого Репфа найдется оппонент и вздумает встать на праведную защиту оклеветанных, а через номер Репф разовьет дискуссию, то тираж газетки вырастет на порядок.

– Но это же… это… – Воль-Дер-Мар запнулся, не находя нужных слов.

– С этим ничего не поделаешь, – пожал плечами Малач. – И в этой ситуации самое правильное – не ввязываться в бумажное боксирование. Надо быть выше щенячьего тявканья и вести караван выбранным курсом.

Воль-Дер-Мар хотел возразить, но на полуслове остановился, задумался, поднял руку, как бы призывая выслушать, и снова задумался. А через минуту нахмуренное лицо его просветлело, и он вновь улыбнулся эльфу:

– Ты совершенно прав, дорогой Малач. Не время тратить силы на газетные дрязги. Только прошу тебя – не говори, что зло творим мы сами.

– Согласен, говорить не буду, – не стал спорить Малач. – Лучше скажи, посвятил ли ты свою троицу?

– Частично. Приход вашей диаспоры прервал разговор. Хотя, возможно, открывать моим «подопечным» все детали пока преждевременно. Да и неизвестно пока – мои ли они, или твои?

– Смотри сам, – сказал эльф и, не глядя, вновь подхватил двумя пальцами свой фужер. Слегка пригубив вино, он также, не глядя, вернул его на место. – Так вот, в отношении моей троицы…

– Узнал? – не удержался от вопроса Воль-Дер-Мар.

– Про третьего – буквально за полчаса до прихода к тебе.

– Ну?

– Про Четвеерга двести второго все было ясно с самого начала.

– Да!

– С Мухоолом вопрос оставался открытым до сегодняшнего утра.

– Пожалуйста, дорогой Малач, не упусти ни одну деталь, – взмолился Воль-Дер-Мар.

– Сегодня ночью ему во второй раз приснился один и тот же сон…

– А когда он видел сон в первый раз?

– Говорит, что не помнит. Но как бы знает, что, в любом случае, снился он ему до отборочных соревнований. И в том сне он, будто бы стоял на берегу бурной реки, опрокидывающей свои воды в бездну водопада. А из-за поворота показалась лодка без весел, в которой стоял великий эльф Субанаач. Течение неумолимо несло ее к водопаду, и Мухоол понял, что должен спасти старейшего из старых эльфов. И тут в голове у него раздался голос Субанаач: «Спасение всего эльфийского племени в твоих руках! Но свершить столь великое деяние ты сможешь, лишь получив плащ студента Факультета Рыболовной магии!» На этом сон оборвался. И вот во время отборов, наш эльф, понимая, что проигрывает, совершил поступок, совсем не свойственный ни ему, ни всем нам. Однако своего Мухоол добился и отборы прошел. А сегодня ночью, накануне первого экзамена, сон повторился. Только теперь лодка с

великим эльфом оказалась еще ближе к краю водопада.… Так вот, на экзамене Мухоол во второй раз в жизни поступил бесчестно…

– То есть? – насторожился Воль-Дер-Мар.

– Пока наш дорогой котяра Шермилло наполнял пивчанским очередную кружечку нашему уважаемому Фон дер Пропсту, Мухоол очень ловко и быстро – ты знаешь, как мы это умеем – перевернул несколько билетов, «выбрав» тот, ответ на который знал наизусть. Оценка, естественно, наивысшая. Но совесть, дорогой Воль, совесть. Получив отметку, Мухоол, сгорая от стыда, прямиком направился к непревзойденному во всяких щепетильных делах Лукиину. По воле провидения, перед самым домом главы нашей диаспоры, Мухоол встретил меня, – Малач вновь подхватил фужер и сделал глоток, оставив на дне лишь самую малость продолжавшего пениться оранжевого вина.

– Ну и… – подстегнул друга Воль-Дер-Мар.

– Он в моей тройке! – горячо сказал эльф. – Всей своей сущностью!

– Отлично! А третий? Кто третий?

Прежде чем ответить Малач бросил взгляд на «рыбьи» часы, загадочно улыбнулся и, в очередной раз, приложившись к бутылке, сказал:

– Надеюсь, что третьего ты будешь иметь счастье лицезреть на пороге своего дома ровно через две минуты.

Воль-Дер-Мар тоже посмотрел на часы; было без двух минут девять. Не дожидаясь объявленного срока, он быстро подошел к двери кабинета и приоткрыл ее. В кабинет хлынул шум разгулявшейся компании…

Глава шестая
Особы прекрасного пола

Напряжение, не так давно витавшее в гостиной Воль-Дер-Мара, незаметно рассеялось. На смену скованности пришло веселье, причем, веселье буйное. Эльфы были великолепными танцорами и музыкантами, умели петь, умели и выпивать. Все у них получалось красиво, изысканно и изящно, как это присуще только эльфам. Музыка, лившаяся из их необычных инструментов, была одновременно и чарующа, и зажигательна. Наверное, поэтому все гости, забредшие в этот час на огонек к Воль-Дер-Мару, лихо оттанцовывали, не зная роздыха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.